

АДМИРАЛ

ВЛАДИМИР ПОСЕЛЯГИН
БРАТИШКА

Владимир Геннадьевич Поселягин

Братишка

Серия «Адмирал», книга 2

Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12598163

Братишка: роман. / Поселягин В.Г.: Центрполиграф; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-07775-2

Аннотация

Война – страшное дело, очень страшное, но, как известно, победа куётся в тылу. Тыл, казалось бы, такой надёжный, но тыл для семьи Сашки – это он сам, поэтому оставить надолго своих младших братишек и сестрёнок он просто не мог, являясь надёжной опорой для матери. Но ведь так хочется на передовую, на фронт. Однако и в тылу свой фронт.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

107

Владимир Поселягин

Братишка

*В «Издательстве Центрполиграф» выходят книги
Владимира Поселягина*

Цикл романов
Адмирал

Сашка
Братишка
Адмирал

* * *

– Уф-ф. – Я с облегчением выдохнул и, невольно хохотнув, добавил: – Я-то думал, что серьёзное. Мама, такие письма присылают, если подразделение попадает в окружение и не выходит к своим в определённый срок. Отец в тылу служит, к тому же ещё и охотник. Выйдет, не волнуйся. Вот если

бы похоронку получили, тогда да, беспокоиться можно было бы, да и то могла быть надежда, что просто ФИО перепутали, например, вместо однофамильца оформили. Так что вытираем слёзы и спать. Завтра тяжёлый день, школа и остальное. Ну а от отца будем ждать вестей, когда-нибудь они будут, надо надеяться. Всё равно ничего другого у нас не остаётся, – как мог, успокаивал я своих.

Когда немного успокоил, отправил малых спать, Маринку туда же загнал, Танюшу в мою комнату на свободную кровать и остался с мамой, бабушкой и дедом. Бабушка только что вернулась из маминой комнаты, где меняла пелёнки Кире, тот недавно трубным басом голос подавал, обидевшись, что о нём все забыли.

– О чём ты хотел поговорить? – косясь на слегка потрёпанный треугольник письма, спросила мама.

Я его забрал у неё, чтобы он не отвлекал, но, похоже, придётся убрать вообще из виду, а то действительно будет серьёзно мешать.

– Прежде чем ответить на этот вопрос, уточню, с какого момента вы выключили радио?

Перед тем как уйти из дома, я прокинул провод самодельного удлинителя и вывесил тарелку репродуктора в форточку, чтобы семья и гости могли слушать меня прямо из сада, где справляли новоселье. Как-то не совсем удачно получилось, надо сказать, письмо это с номером части отца так невовремя пришло. Хотя, может, и вовремя. Тут ведь с ка-

кой стороны посмотреть. Нужно лишь уточнить, когда выключили репродуктор, чтобы от этого отталкиваться. Лучше я опишу свою версию происходящего в радиостудии, чем это сделают соседи. А насчёт этого письма-извещения я действительно не очень переживал. Может, это и нервы, все эмоции я спустил ещё там, в студии, но я был слишком спокоен. К тому же знал, что не всегда такое извещение соответствует истине, о чём ранее говорил, бывало, и похорожки по ошибке приходили. Будем ждать вестей от отца, ничего другого не остаётся.

– Когда ты пел песню, – восторгалась вдруг бабушка, а она не меньше мамы переживала о судьбе своего сына, отца моего. – О дорогах которая...

Такой ответ изрядно меня взбодрил. Фактически репродуктор был выключен за одну песню до того провокационного вопроса диктора, за который ему уже наверняка влетело. Видно же было, что там отсебятина была. Я до сих пор не мог понять, как это допустили. У меня было такое впечатление, что тот машинально задал этот вопрос, и он задавал его всем гостям в студии, лишь на мне споткнулся, и всё пошло не по плану. Да и не должен был такой вопрос прозвучать. Говорю же, такое впечатление, что машинально ляпнул. Это тоже странно, на радио работают всё же люди, которые такого допустить просто не могут, и контроль среди ведущих серьёзный.

– Это хорошо, вовремя треугольник письма принесли. Ну,

значит, вот что: когда основное прошло, диктор спросил, когда мы победим немцев. Такого вопроса не было в том списке, что мне дали изучать.

– Зря они тебя об этом спросили, – задумчиво посмотрела на меня мама. Вот уж кто меня хорошо знал.

– Это точно, очень даже зря. В общем, я не хотел говорить, но диктор смог вытянуть из меня несколько историй, из тех, что случилось с нами на той дороге.

– И о сбитем лётчике?

– И о нём, всё рассказал. Ну почти, до бандитов не дошло, время вышло. Вроде ничего так всё восприняли, и я решил продолжать. Помните тот бронетранспортёр с расстрелянными немцами? Я ведь там не только наш автомат нашёл, тот что ППШ.

– Как не помнить, если ты его чуть ли не каждый день начищал, – подтвердил дед.

– Там, кроме автомата, было золото. Килограммовые бруски с гербом Советского Союза. Плохое это золото, вот я и решил его сдать, хочу, чтобы на это золото построили завод по производству автоматов для нашей армии и чтобы политуправление армии за этим проследило.

– От добре! – воскликнул дед и даже ударил себя по коленям от избытка чувств.

Вот мама поняла всё правильно, посмотрела на меня, задумалась и тихо уточнила:

– Почему ты нам о нём не говорил?

– Не всё нужно знать. На вас и так много было взвально. К тому же это злое золото, плохое, кровавое, только беду оно нам принесёт. Я сразу решил его сдать.

– Хорошо, пусть будет так.

– Это ещё не всё. У меня тут образовались излишки оружия, а наши бойцы и командиры нуждаются. Уже сейчас с запасами вооружения большие проблемы. Вскрывают старые склады с берданками и трофеями Гражданской войны. Больше нечем вооружать добровольческие батальоны. А у нас всё же пулемёты, автоматы, противотанковое ружьё. В Москве среди прочих формируется добровольческий коммунистический батальон, вот я и решил отдать часть вооружения и трофейную радиостанцию им. Оно им нужнее.

– Молодец, – только и сказал дед.

– Как вы понимаете, после того, как я по всему Союзу всё это озвучил, к нам может быть интерес, и не только положительный. Это я о ворах. Дед, держи берданку под рукой.

– Бандиты золотом заинтересуются? – подал голос дед.

– И не только. Соответствующие органы в государстве ну очень подозрительные, и могут возникнуть вопросы. А всё ли я сдал? Могут перейти и к непопулярным методам, например, к шантажу. Но думаю, это только в крайнем случае и до этого не дойдёт. В принципе всё, что хотел сказать, я сказал. Теперь вы в курсе. Ах да, забыл о фотоаппарате, его тоже сдать придётся, вернуть хозяевам, в редакцию, а из сделанных снимков, там, на дороге смерти, я попросил полит-

управление провести выставку, чтобы москвичи видели, что творилось тогда на дороге.

— Молодец, — снова сказал дед. — Это ты правильно решил.

— Тут главное, чтобы помогли, нужна выставка для мотивации народа, не все ещё поняли, что эта война на уничтожение, но без помощи государства у меня ничего не получится. Ладно, информацию я вам дал, переваривайте её, а теперь давайте приберёмся в беседке после новоселья.

Согнав соседских котов со стола, где те обжирались, мы часть еды отдали собакам, всё равно испортится, а часть убрали на ледник. Работали молча, было видно, что мои родичи ушли в себя. Я убрал репродуктор из окна, там мембрана бумажная, влаги боится, а судя по наплывающим тучам, что закрыли луну, может хлынуть дождь, так что побережём ценный предмет. Снова закрепил его на кухне квартиры мамы, свернув провод-временку. Закончили мы в полночь, но прежде чем отпустить меня спать, мама на секунду прижала меня к себе и встрепала вихры, этим она показывала, что полностью одобряет мои действия, благословила, можно сказать.

Проследив, чтобы она заперла дверь, мало ли что, я проследовал за бабушкой с дедушкой к их половине дома. Таня уже спала, они с Лушей на одной кровати устроились, Луша сегодня решила со старшей сестричкой ночевать. Я, быстро раздевшись, нырнул под одеяло своей кровати, слегка поскрипев сеткой. Уснул не сразу, долго переваривал весь про-

шедший день, пока не понял, что успокаиваю себя. Я действительно сделал всё правильно, и, придя к такому выводу, быстро уснул.

Разбудил меня грохот с металлическим скрежетом, звук клаксонов во множественном числе и последующий удар казалось бы в стену дома, отчего строение содрогнулось, и чуть позже начавшаяся разборка под окнами, перемешанная с матом. От шума проснулись все, я так полагаю, Таня и Луша так точно, завозились, скрипя сеткой на своей кровати. Дотянувшись до стола, я взял свои наручные часы и скривился. Пять часов утра, только-только светать начало.

Встав, почёсывая лопатку, отдёрнул в сторону плотные шторы светомаскировки и выглянул в окно. Пришлось прижаться к стеклу правой щекой, чтобы видеть часть штакетника со стороны половины дома мамы, и снова ругнулся себе под нос.

– Да что же это такое?! – тихо взвыл я. – Они что, тараном меня взять хотят?!

Картина, которую я увидел, в другой ситуации вызвала бы у меня смех, но сейчас никакого веселья не было. Кому палисадник ремонтировать? Тут даже гадать не нужно. Мне. Ничего, я ещё поборюсь. А картина выглядела так. К моему дому одновременно подъехали три машины: фаэтон, тот самый ГАЗ-А, и две эмки. Причём эмки умудрились столкнуться на подъезде, а фаэтон стоял чуть в стороне. Видимо,

водители не уступили дорогу друг другу и довели до такой ситуации, только от столкновения их бросило на угол моего палисадника, в результате столбушка покосилась, часть перекладин слетела, штакетник повреждён. Дня на два работы. А у машин, чуть ли не хватая друг друга за грудки, ругались шофёры и командиры разных наркоматов. Только бросив на них взгляд, я понял, почему шофёры были так уверены, что им уступят дорогу. Одна машина была явно из Политуправления РККА, а другая – из наркомата Берии. Я только не смог с первого взгляда определить принадлежность пассажиров третьей машины, вроде тоже военные. В форме.

Додумать я не успел, к нам заглянул полуодетый дед. Таня, быстро одевшись, встала за мной, с любопытством выглядывая из-за плеча. Раз разбудили, теперь она не ляжет.

– Что там? – спросил дед, стараясь спрятать за спиной берданку, это чтобы Танюша её не увидела.

Это он правильно сделал, да и саму ситуацию понял как надо. Вот Луше было всё пофиг, она уже снова спала, непробиваемый ребёнок.

– А-а-а, долбо... приехали, – пытаюсь попасть в брючину, ответил я. – Ну шас я им...

Накинув рубаху и на ходу заправляя её под ремень, я выбежал в сени – за мной последовали остальные, бабушка тоже, и успел вовремя. Пока одни ругались, самые хитрые, а это пассажиры третьей машины, обошли виновников аварии и постучались в ворота. Пробежав босиком по влажной от

росы траве, я отобрал из ряда кольев, прислонённых к стене сарая, – мы их заготовили для моего баркаса, вроде подпорок, да не всегодились, – подходящий и отодвинул брус на воротах. Там, в проёме ворот, под любопытными взглядами Тани, деда, мамы и Димки, стояли трое из фаэтона, и я крикнул:

– Посторонись! – и рванул к тем, что стояли у разбитых эмок.

Серьёзно пострадала, правда, одна, парила разбитым радиатором, у второй бок ободран да правое крыло содрано.

– Эй, ты чего? – успел воскликнуть один из сотрудников наркомата Берии, перекатом уходя в сторону, и кол бессильно врезался в землю, где тот только что стоял.

Остальные бросились врассыпную, мгновенно забыв о распре, перестав хватать друг друга за грудки. Это они на инстинктах сработали, отбегая в стороны за дальность удара кола и дальность возможного его полёта.

– Ты чего, с ума сошёл?! – воскликнул один из политруков, которому я хорошо так протянул поперёк спины.

На этот крик души отвечать я не стал, лишь молча указал на повреждённый палисадник. Я заметил, что все соседи с живым любопытством наблюдали за нами из окон, из ворот, так что я громко попросил дедушку:

– Деда, заряди-ка свою берданку патронами с крупной солью, теми, что для вредителей приготовили. У нас их вон сколько собралось. – Быстро подсчитав гостей, добавил: –

Восемь патронов нужно, хотя нет, девять. Ещё для шофёра, что за эмкой прячется. Этому аж два заряда нужно.

– Я тебе сейчас дам берданку! – пригрозил один из комиссаров наганом.

Я на его возглас не обратил внимания, покосился только на палисадник, вздохнул, закинул кол на манер винтовки на плечо и, подойдя к той троице, что продолжала стоять у ворот, поинтересовался приветливым голосом:

– Чего хотели?

– Так это ты Сашка?.. То есть Александр Поляков? – несколько опасливо покосившись на кол у меня на плече, поинтересовался старший среди военных, в звании майора.

– Он и есть. Так что хотели-то?

– Сам ведь позвал. Забыл? Обещал мне пэпэша подарить. Я Строгонов, комбат.

– А-а-а, так вы командир добровольческого коммунистического батальона, что начал формироваться? Понятно. Не кадровый, как я посмотрю?

– Так заметно? – улыбнулся тот и, сняв фуражку, платком протёр лысую голову. – Третий день, как форму надел. Я ведь директором фабрики был, кровати делали. А повоевать успел, ещё в Гражданскую, там и в партию вступил. Командиром пулемётного расчёта был, а потом и пулемётной ротой командовал. С этой должности и ушёл на гражданскую работу. Переаттестовали, и видишь, майорские шпалы навесили. Теперь вот командир батальона. Величина.

– Карьерный рост налицо, – поддержал я его. – Однако документы всё же предъявите, я вас не знаю.

– Это правильно, бдительность нужно проявлять. Держи.

Изучив документы не только его, но и стоявших рядом командиров, имевших звания старших лейтенантов, тоже из запаса призванных, вернул их им и в лоб спросил:

– Всё так плохо с вооружением?

Тот отвёл взгляд, скривившись:

– Сам ведь всё знаешь, раз подарить свои трофеи решил. Такое старьё выдают...

– Да знаю, – тоже вздохнул я и тут же встрепенулся: – Я быстро соберусь, ждите в машине, поедem к тайнику. Только вот хватит ли места? Машина у вас небольшая, грузовик нужен бы был.

– Так есть грузовик, – удивил меня майор. – Вон на перекрёстке стоит.

Взглянув, куда тот указывает, действительно рассмотрел крытую полуторку. Даже странно, что мне, ребёнку, вот так взяли и поверили. Лгунишек моего возраста хватало, что гонялись за дешёвой популярностью. Но, видимо, за время передачи я смог настолько внушить людям уверенность в мои слова, что те, похоже, и не сомневались, что всё обещанное у меня действительно есть.

– Ха, а слона-то я и не заметил, – пробормотал я и, прищмотревшись, увидел, что от того же перекрёстка сюда спешит участковый.

Посмотрев на остальных гостей, я только сплюнул под ноги и повернулся к майору:

– Ждите, сейчас вернусь.

Забежав во двор, я поставил кол к остальным в ряд и побежал собираться. Дед, как я успел отметить, вышел на улицу и, покачивая головой, стал осматривать палисадник. Гости вернулись к машинам. Сейчас уже не ругались, а водители деловито обсуждали проблемы аварии. Я натянул сапоги, накинул куртку и, прихватив лопату, вышел наружу.

Оба шофёра уже правили молотками крыло второй эмки, той, что принадлежала сотрудникам НКВД, чтобы хотя бы одна машина была на ходу. Полуторка теперь стояла рядом, и из её кузова выглядывали трое, почему-то в гражданской одежде. Видимо, бойцы батальона. Взяли для работ и погрузки. Подойдя к участковому, я поздоровался с ним, крепкое у него рукопожатие, и стал отдавать распоряжения:

– Так, дед, мы с товарищами из коммунистического батальона уезжаем, ты тут пригляди. Пусть машину побитую во двор закатят, и так внимание всей округи своим неординарным приездом привлекли. Пусть там постоит, потом заберут. Я часа через два вернусь.

– Мы с вами! – тут же воскликнул один из командиров НКВД, видимо старший, с рубиновой шпалой в петлицах.

Тут не поймёшь, то ли лейтенант госбезопасности, то ли капитан. Понапридумывали со своими званиями, черти, людей путают.

– С чего это? – встал я в позу. – Я вас не знаю. Очень уж вы подозрительные. А может, вы бандиты переодетые?

– Можно ведь документы проверить, – неожиданно улыбнулся тот.

– Ну, с нашим уровнем подделок документов это не аргумент. Вы бы хоть фото в них клеили, а то ведь любой воспользоваться может. Диверсанты из «Бранденбурга» так и делают.

– Как бы то ни было, но мы едем с вами. Проследим за передачей вооружения бойцам батальона. Тем более репортёры, приехавшие с сотрудниками политуправления армии, должны осветить этот момент. Ну а мы по другому поводу приехали.

– Я понял зачем. Не отдам. Вам – не отдам. Я вас не знаю. Вот когда ваше руководство лично укажет на вас, мол, этим людям можно передать, тогда да. Сейчас нет, я человек бдительный, ответственный, кому попало ценные вещи передавать не буду.

– Убедил, договорились, – легко согласился тот.

Внимательно слушавший нас политработник, старший в той команде, тоже подал голос. Это был батальонный комиссар, если я правильно разобрался в его звании. По две шпалы в петлицах и звёзды на рукавах. Вроде всё правильно.

– Молодой человек, я так понимаю, вы и нам ничего передавать не будете?

– А вы кто?

– Батальонный комиссар Евстигнеев. Направлен к вам руководством для получения всего того, что вы озвучили в эфире. Кстати, золото, это тоже к нам, товарищи из НКВД лишь проследят за всем и проконтролируют. Насчёт завода по автоматам ничего не скажу, вопрос этот будет рассмотрен. По имуществу погибшего репортёра «Комсомольской правды», а также тем снимкам, что вы сделали, вопрос тоже решается, но я думаю, даже уверен, что будет выставка, будет.

– Имущество репортёра и фотоплёнка у меня здесь, в доме. Могу передать сразу, если вы, конечно, имеете при себе бумагу, доказывающую, что именно вам я должен всё это передать.

– Бумага есть, – согласился тот. – Однако передачу имущества проведём чуть позже. Сначала решим вопрос с коммунистами и вооружением. Я так понимаю, прокатиться придётся?

– Правильно понимаете, у меня всё за городом зарыто. Грузитесь, если уж все решили ехать.

Все задвигались, часть сотрудников политуправления полезли в кузов полуторки, их-то машина разбита, но один сел в эмку к людям Берии, там было одно свободное место. Я же повернулся к участковому, больно уж вид у него был умиротворённый.

– Я смотрю, вы совсем не спали?

– А где тут выспаться? Я ведь тоже передачу твою по радио слышал. Тяжело было, хапнул с горя стакан водки. И

простоял у твоего дома на посту, охранял. Тихо было, под утро только домой ушёл, да вот мальчишка соседский прибежал, поднял.

– Ясно. Спасибо, – пожал я ему руку, и прежде чем забраться в фаэтон, велел деду: – А машину загоните, ну и приберитесь тут. Вернусь, займусь палисадником.

– Сделаем, – протянул тот.

Дед остался, а участковый поехал с нами в полуторке, он собирался проконтролировать передачу вооружения. Я ещё уточнил, не будет ли какая ответственность за хранение боевого оружия. Мало ли, срок ещё могу получить, хотя я и несовершеннолетний. Тот меня успокоил, всё официально, но попросил сдать всё оружие, чтобы проблем не было. Ага, прям всё сдам.

Я забрался в машину рядом с водителем, чтобы дорогу показывать, и сказал сидевшим позади в тесноте командирам:

– Что-то не везёт мне с домом. То бомбой половину стёкол выбило, то эти любители погонять, даже не знаю, как их обматерить. Вредители, одним словом. Только и занимаюсь починкой... О, вот здесь направо и до конца улицы.

Общаясь, мы с майором перешли к конкретике, насчёт фронтового опыта, который я знаю со слов фронтовиков из госпиталя. Не успели договорить, как прибыли на место.

– Давай под деревья загоняй, – скомандовал я водителю. – Дальше прогуляться придётся.

Мельком посмотрев на часы, шесть часов было, я первым

покинул машину и, дождавшись, когда все соберутся, повёл в лес. Дойдя до нужного места, указал на ровное пространство среди деревьев, трава с виду была нетронутой.

– Здесь копайте. Неглубоко, сантиметров тридцать всего.

Пока бойцы, подозванные Строгоновым, копали, я разговаривал с гостями. Выяснилось, что меня ещё вчера вечером доставили бы в политуправление, если бы не поздний час. Пока направили группу за мной, пока выяснили адрес через редакцию, пока нашли мой дом, время и прошло. Такая же ситуация была и с сотрудниками НКВД. Лишь Строгонов поступил правильно: и поспать успел, и решил выехать пораньше, чтобы других опередить, хотя по странному стечению обстоятельств приехали все в одно время. Да и не плутал он в отличие от остальных. Нашёл кого-то из местных, и тот указал на наш дом.

Когда откопали тайник, бойцы стали доставать из него завёрнутое в мешковину оружие и раскладывать в ряд. Участковый, Строгонов и бойцы НКВД записывали номера, составляя акт приёма. Всё вооружение, что я описывал, было здесь, снайперки в другом месте хранятся, так что я был спокоен. А радиостанцию энкавэдэшники отжали себе. Было два немецких автомата с боекомплектом, пять немецких «парабеллумов» с кобурами, ППШ, который я подарил Строгонову, как и обещал, что было запечатлено корреспондентом. Помимо автоматов и пистолетов еще противотанковое ружье, ну и оба пулемёта с боезапасом. Да всё отдал, что

было в тайнике. Даже показал, как немецкими гранатами-колотушками» пользоваться. Сколько горит замедлитель и как работают тёрочные запалы. Не забыл указать, чтобы перед броском удерживали гранату, чтобы её обратно не кинули. Мол, так опытные фронтовики и делают. А вообще я могу опытом поделиться. Строгонов за время нашего общения это понял и попросил в ближайшее время встретиться. Мол, он соберёт бойцов и командиров, а я поделюсь тем фронтовым опытом, который получил от раненых. Передам, так сказать, его им в руки. Я не возражал, почему нет.

Когда всё загрузили в грузовик, мы покатали обратно. Всё представителями батальона было получено, возразить им было нечего, только искренне благодарили. Мы вернулись той же колонной, и Строгонов, крепко пожав мне руку, распрощался, сообщив, что пришлёт ординарца уточнить время лекции. Пассажиры уже покинули машины, так что грузовичок и легковушка укатили.

Участковый тоже распрощался и направился к себе.

Пока нас не было, разбитую эмку закатали во двор. Наверное, разбуженные соседские мужики помогли, вдвоём дед и шоферюга не справились бы. Да и соседи не все ещё разошлись. Дед сейчас с палисадником возился. Он уже снял часть штакетника, выдёргивая гвозди, и занялся перекладинами. Потом мы сменим столбушку, выяснилось, что та обломилась у основания, старая, подгнила, вкопаем новую ну и заменим часть поломанного штакетника, сами перекладины,

что странно, были целы.

А сейчас я сказал оставшимся командирам:

– Идём, будете принимать остальное имущество.

Бабушка уже хлопотала в саду у летней кухни, Таня убежала к себе в институт, и я, попросив командиров не шуметь, взял Лушу на руки и отнёс на печку. Так что в моей комнате мы могли теперь общаться, не понижая голоса. Достав из шкафа и чемодана всё имущество корреспондента, по описи передал его сотрудникам политуправления. Сообщил, какие кадры были на какой фотоплёнке. Меня попросили дать описание к каждому фото. Будет выставка или нет, но описание должно быть. И рассказать полную автобиографию, а также историю нашего путешествия по дорогам смерти.

Ну с автобиографией – это легко, написал от руки карандашом за полчаса, а описание путешествия... так я вёл дорожный дневник, там всё есть. Обе тетради с немалым интересом изучили как политработники, так и сотрудники НКВД. Узнав, что у меня имеются все документы убитых мной немцев, политработники также по описи приняли их. Насчёт золота я прямо сказал: будет приказ с верхов, передам, причём официально, а сейчас извините, нет, я вам не доверяю. Едва успели закончить, как прибежала Маринка, блестя любопытными глазами, и сообщила, что нам пора в школу.

Мама с бабушкой пригласили гостей в беседку, накрыв там стол, те отказываться не стали, ну а мы, похватав сумки

с учебниками, заторопились к переправе.

Когда мы с Мариной вернулись из школы, меня уже ждали. Машина стояла у ворот, а рядом прогуливался командир в звании сержанта госбезопасности. Водитель в машине дремал. Похоже, давно стоят. Не думаю, что что-то срочное, иначе из школы бы забрали.

– Александр? – уточнил сержант, когда мы приблизились.

Маринка, стрельнув в того любопытными глазами, скользнула через полуоткрытую калитку во двор, а я остался снаружи.

– Ну допустим, – осторожно ответил я, с подозрением разглядывая гостя, после чего покосился на палисадник.

Тот достал удостоверение и предъявил его, не давая в руки, в развёрнутом виде.

– Сержант госбезопасности Гордеев. У меня приказ сопровождать вас, Александр, в Кремль. Товарищ Сталин хотел бы с вами лично поговорить.

– Вот так просто? – несколько растерялся я.

– Обычно, – несколько удивлённо пожал тот плечами.

– Хм. Хорошо. Сейчас сумку с учебниками закину и вернусь.

Я зашёл во двор, где дед пилил трёхметровое бревно, и спросил:

– А где машина?

– Так эти, гости утрешние, как поснедали, машину при-

цепили, так и укатили. Это кто к тебе там приехал? Нам не говорят, тебя ждали.

– А это посыльный от товарища Сталина, к нему повезут, лично поговорить хочет.

Дед от неожиданности даже топор выронил и заскакал на одной ноге, видимо, краем по большому пальцу попал. Это больно, по себе знаю. Остальные, кто слышал, о чём мы говорим, взволнованно загомонили, перебивая друг друга.

– Дед, ты извини, не могу помочь с палисадником, сам видишь, что творится.

– Беги уже. Не заставляй людей ждать, они на службе. Ты только там смотри не осрамись.

– Постараюсь, – улыбнулся я и побежал к себе.

Бросив сумку, осмотрел себя в зеркало и переодеваться не стал, одежда и так вполне приличная, лишь поправил пионерский галстук. Прихватив некоторые вещи, Сталину будет интересно на них взглянуть, я побежал обратно. Так быстро меня не отпустили, тут и мама дала своё напутствие, и бабушка. Ладно хоть, малых не было, кто ещё в школе, кто в садике, легко отделался.

– Едем.

Мы сели в машину, которая развернулась и покатила по улице к перекрёстку. Я обернулся. Мама и бабушка, распоясанный дед без обуви стояли и смотрели мне вслед. Провожали, это приятно.

Ехали долго, водитель не торопился, и мы действительно

приехали к Кремлю. Заехали на внутреннюю территорию, а там дальше уже пешочком. На входе дежурный командир, проверив списки и подтвердив, что я в них значусь, с улыбкой поинтересовался:

– Оружие какое есть? А то больно уж ты вчера красочно описывал свои приключения. У нас радио все слушали.

Подумав, я осторожно кивнул и, наклонившись, достал финку из-за голенища сапога и положил на стол дежурного. Тот сразу улыбаться перестал и лишь огорчённо покачал головой:

– Какая смена у нас растёт, однако. Ещё что есть?

Снова подумав, я мельком осмотрелся: в фойе было не так и много народу и все за нами следили, включая сержанта-сопровождающего, стоящего рядом. Поэтому я снова осторожно кивнул. Наклонился и из-за другого голенища достал штык от СВТ, также положил его на стол. Капитан-дежурный молчал, пристально меня рассматривая, поэтому я достал из-за пояса верёвку, со вздохом положив её к ножам.

– Удавка? – деловито поинтересовался дежурный, беря её в руки.

– Какая ещё удавка? Праща.

– А метательные снаряды?

– Не-е, гранаты не брал.

– У тебя ещё и гранаты есть?

– С собой нет. Да и вообще нет. Нету у меня гранат, – для демонстрации вывернул я карманы.

– Надеюсь, на этом всё?

– Ну, – скривился я и, тряхнув рукой, снял кистень с кисти. – Вот, больше нет. Кистень только... Да всё, правда больше нет! Можете обыскать!

– И обыщем! – тоже повысил голос дежурный.

И ведь обыскали, лично дежурный это всё проделал. После чего кивнул сопровождающему, давая добро. Меня довели до приёмной, там сержант меня оставил, что-то тихо сообщив Поскрёбышеву, и удалился. В приёмной я был не один, но мест свободных хватало, поэтому занял одно, с интересом осматриваясь. Тут были гражданские и военные, у одного смутно знакомое лицо. Семь мужчин и одна женщина. Все, видимо, ждали, когда их примут. Вот бы тут терминал с талонами для очереди поставили, хоть не томиться в ожидании. Улыбнувшись таким своим мыслям, я стал рассматривать секретаря Сталина. Не ожидал, что он лысый. Я как-то в прошлой жизни в пробке на Ленинградке стоял, радио слушал, так передача была как раз о Поскрёбышеве, я, правда, конец застал, но слышал, что диктор, описывая отношения этого человека со Сталиным, жаловался на последнего. Мол, тот хватал секретаря за волосы и бил лицом о стол. Теперь понятно, что это очередная чушь. Лысого Поскрёбышева было сложно хватать за волосы.

Представив себе такую ситуацию, я не смог скрыть улыбку, с большим трудом сдерживая смех. Однако именно такое веселье, что бушевало в душе, позволило мне прийти в себя,

так как я нервничал, даже лёгкость мысли появилась. Тем более после школы я был изрядно уставшим. Если в первое время обо мне мало кто знал, то сегодня я стал в школе звездой номер один. Шагу ступить не давали, вопросами забросали. Я встречал это всё с олимпийским спокойствием, отвечая на вопросы, даже на дурацкие. К директору вызывали во время большой перемены, там совет из завуча, директора и секретаря собрался. До самого звонка на следующий урок меня опрашивали. Вопросы те же.

– Извините, – поднял я руку, привлекая к себе всеобщее внимание, однако ко мне оно и так было привлечено, а сейчас стало более явным.

– Да, я слушаю, – посмотрел на меня Поскрёбышев.

– Если можно, хотелось бы уточнить. Как давно у вас эта, скажем так, причёска?

Тот провёл рукой по голове и пожал плечами, явно растерявшись от такого неожиданного для него вопроса. Но ответил:

– Да лет двадцать уже. А что?

– Да нет, – широко улыбнулся я. – Просто интересно.

Негромко насвистывая, я барабанил пальцами по ноге, продолжая осматриваться. Секретарь, изредка бросая на меня взгляды, продолжал работать. В кабинет то входили, то выходили люди. Я уже полчаса сижу – и ничего. Знал бы, сумку с тетрадями и учебниками с собой взял бы, тут уроки сделать. Нужно решить несколько задач, да и по литературе

задание было. Слабое моё место.

Работоспособность Сталина и его секретаря, конечно, поражали, ни минуты передыху. Принимали посетителей. Ставили задачи, а судя по красным лицам некоторых, песочили. Как на конвейере работали. Почти все те, кто был в приёмной на момент моего появления, уже побывали в кабинете, так что когда прозвенел звонок и Поскрёбышев взял трубку, то посмотрел на меня и кивнул:

– Александр, проходи.

Встав, я поправил одежду, ладони отчего-то вспотели, так что ещё их вытер незаметно и, спокойно подойдя к двери, потянул створку на себя. Та неожиданно легко открылась. Дверь была с тамбуром, так что, толкнув вторую створку, я оказался в кабинете самого Сталина.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – от входа поздоровался я.

– Здравствуйте, товарищ Поляков. Проходите, присаживайтесь.

– Как-то больно официально, товарищ Сталин. Зовите Сашей и на «ты», мне так привычнее. Тем более разница в возрасте потворствует этому.

– Хм, хорошо, – улыбнулся тот.

Я даже как-то не ожидал этого. В кабинете моё внимание сразу переключилось на хозяина. Я запоминал лицо и сам вид, не побоюсь этого слова, великого человека, поэтому и впитывал, закрепляя в памяти все его черты и движения. Но

он не курил, хотя трубку в стороне я рассмотрел, да и присутствовал остаточный запах табака в кабинете. Похоже, перед моим приходом кабинет проветрили или хозяин кабинета курил очень давно.

– Чай будешь?

– Буду. Если можно с печеньем. Слава о кремлёвских печеньях гремит по всей стране. Хотелось бы изведать. Тем более я и не ел толком сегодня, утром в пять часов, как подняли клоуны, лишь успел перехватить хлеба с молоком.

– А что случилось? – сделав заказ по телефону, спросил хозяин кабинета. Судя по тону вопроса, его действительно заинтересовал этот момент.

– А-а-а, – махнул я рукой. – О моём выступлении на радио, думаю, вы слышали, ну или вам передали?

– Я слушал. С начала выступления слушал. Хорошие песни, и рассказы твои... Тяжело было всё это слушать.

– Самое печальное, что всё, что я рассказал, правда. Да ведь не только вы слушали, все меня слышали. И о золоте, а я его ещё не сдал, в тайнике находится, и о сделанных мной снимках, ну и об оружии. Утром, когда нашли, где я живу, рванули ко мне три машины. Сотрудников НКВД, политуправления и машина из добровольческого коммунистического батальона. Что странно, но, наверное, стечение обстоятельств, нашли они мой дом одновременно и приехали вместе. Что дальше было, я не видел, спал, разбудили. В общем, водители политуправления и наркомата товарища Бе-

рии считали, что на трассе они важнее и их нужно пропустить, носы к потолку и друг другу не уступили место.

В результате две разбитые машины и мне палисадник разрушили. Вот я и проснулся от удара, сотрясения дома и мата, что стоял снаружи. Всю улицу подняли, не только моих родных. Дед с берданкой к бою начал готовиться, думал, бандитский штурм. Командиры коммунистического батальона не пострадали, в сторонке стояли и за всем с интересом наблюдали. Сами понимаете, я на нервах был. После бомбёжки только новые стёкла вставил, а тут мне опять ремонтировать, ну я оделся, схватил кол со двора и на улицу. Троиим по хребту перепало, остальные шустрые, бегали быстро. Двоим из политуправления перепало и одному сотруднику НКВД. Но тот сам виноват, об водителя стукнулся и упал, грех такой возможностью не воспользоваться. А водители за машины спрятаться успели. Потом ничего, разобрались и делом занялись. Съездили к тайнику, и я по описи передал всё оружие и боеприпасы, как обещал. Вот акт приёма.

Протянув Сталину лист квитанции, я вдруг обнаружил, что тот трясётся, зажмурившись, и внезапно понял, что он смеётся. Не сдержавшись, Сталин засмеялся в полный голос. Именно в этот момент зашёл в кабинет Поскрёбышев, внеся поднос со стаканами, чайником и розеткой с печенем. Он удивлённо посмотрел на нас, но потом снова принял невозмутимый вид и стал наливать чай. Отсмеявшись, Сталин, мельком посмотрев на своего личного помощника,

вдруг спросил:

– Саша, а почему тебя так заинтересовал внешний вид своего тёзки?

– Дополнительно проверял, вдали мне или нет. – Положив квитанцию на стол, я взял стакан и осторожно попробовал. Не зря парил, крутой кипяток налили.

– Вот как, и что же тебе рассказывали о Поскрёбышеве?

– Да больше о вас. Говорили, что вы тиран. Скручивали листки бумаги в трубочку, надевали их на пальцы своему секретарю и поджигали, с садисткой улыбкой наблюдая, как тот корчится, но товарищ Поскрёбышев не издавал ни звука. Или как вы хватали его за волосы и били лицом о стол.

Сталин и слушавший нас Поскрёбышев застыли в шоке. Смеха в глазах хозяина кабинета уже не было, там разгоралась лютая ярость, что даже мне стало не по себе, но я невозмутимо продолжал делить печеньки. Сталину и трёх хватит, он их и так каждый день ест, остальное я честно отделил себе и, беря из небольшой кучки, смаковал их с чаем. Реально вкусно, не обманули слухи.

– Кто?! – яростно спросил Сталин, вставая. – Кто посмел распускать такие грязные слухи?!

– Врачи говорят, что нервные клетки не восстанавливаются, а вы такими вспышками себе сердце посадите, а мне бы хотелось, чтобы вы подольше прожили. Сядьте, успокойтесь, чаю попейте. Тем более тому, кто распускает эти слухи, вы всё равно ничего сделать не сможете. С детства пороть

надо было, воспитывая дочурку. Самое паршивое, что ведь ей некоторые несознательные личности верят. Как же, ведь дочь самого товарища Сталина!

Хозяин кабинета даже упал на стул, и Поскрёбышев хлопотал вокруг него. Как-то у нас не так разговор прошёл, но всё, что я спланировал, пока мы ехали в машине, выдал. Было ещё кое-что, но это чуть позже. Продолжая попивать чай, я сказал:

– Не думаю, что серьёзные люди таким слухам поверят. Вы ведь, товарищ Сталин, окружаете себя неординарными личностями, Личностями с большой буквы. Кто ж подобное терпеть будет? Так что на всё, что говорит Светлана, люди лишь посмеиваются. Да и почему она всё это делает? Избаловали вы её, вырастили дворянку столбовую. Не было внимания, не было обучения, безотцовщина, вот и выросло непонятно что. Хотя исправить пока ещё можно. Могу дать совет.

Сталин уже успокоился и, иронично посмотрев на меня, сделал глоток чая.

– Говори, мы с товарищем Поскрёбышевым с интересом слушаем.

– А ей нужно показать, чего она стоит, сама она это ещё не скоро поймёт, а когда поймёт, то ещё хуже будет. Нужно отправить её к людям. Не просто к людям, а, например, в госпиталь простой санитаркой до конца войны, чтобы видела, как советский народ добывает нашу будущую победу, что ему это стоит. Чтобы за неходячими выносила, обмывала

их, тяжелораненым книги читала. Чтобы в мединститут поступила и ночами между дежурствами училась, чтобы почувствовала всю ту тяжесть, которую несут на себе другие граждане нашей великой страны. Пока она через это всё не пройдёт, человеком, советским человеком, не станет. Избалована она у вас. В прессе это освещать не нужно, слух сам разойдётся. Раненые – люди чуткие и видят, что за человек, так что пока она себя не поставит, не изменит отношение к себе и окружающим, пусть в госпитале так и работает... Хм, печенье закончилось. А ещё есть? Не то чтобы я вас объесть хотел, ну очень вкусные.

Поскрёбышев метнулся в приёмную, ну а мы начали уже нормальное общение. Сталин оказался на удивление опытным дознавателем, и как вести допрос, задавая правильные вопросы, он знал. Так что почти полчаса потратил, выясняя, откуда пошли слухи о нём с Поскрёбышевым и как они до меня дошли. Я честно сказал, что слышал их из первых уст, а Светлану видел несколько дней назад в Александровском саду. Это не была утка, я её действительно там видел, гуляла с подружками и сопровождением. Пусть проверяют. Я решил твёрдо слить её и делал это старательно. Будет она ещё мемуары об отце пакостливые писать!

Потом уже на меня перешли. Я описал, как был ранен, потерял память и учился всему заново, как из меня попёрла эта музыка. Начал писать стихи и мелодии к ним. Как мы жили до войны, как война началась и отца забрали на фронт. Как

покинули деревню. Первая встреча с немцами, первая встреча с бандитами. Как я выкручивался, чтобы сохранить семью и себя. Подробно описывал, как стрелял, для доказательств предъявляя справки, выданные пограничниками. В общем, описал всё. Ну и как золото нашёл в бронетранспортёре. О ювелирке я, конечно, не рассказывал. Ещё чего, только слитки сдам, остальное оставлю на будущее. Ну и попросил товарища Сталина поспособствовать, чтобы эти средства, с золота, пустили на постройку и оснащение завода по производству автоматов для нашей армии. Они им действительно необходимы. Описал, как ночью диверсантов брал, Сталин посмеялся, когда я рассказал, как их выгонял голых к нашим бойцам и сдавал им на руки. Не удержался и поведал, как у меня пистолет отобрали. Тут хозяин нахмурился, но продолжал слушать с интересом, как мы наконец добрались до Москвы, как искали дом, как я торговал трофеями на рынке, потому что не хватало на покупку. Даже то, что повозку с телегой и лошадьми забрали на нужды армии, тоже рассказал. О баркасе сказал, всё равно ведь узнает. Только пожаловался, что придётся самому мотор искать, а следующим летом во время летних каникул приведу его в порядок и буду с дедом работать в порту. Как буксир мой баркас вполне пойдёт. Всё помощь. Сталин косился на мою морскую фуражку на голове и слегка улыбался своим мыслям.

Умел он слушать, это у него не отнять. Сильный человек, натуральный лидер, он мне очень понравился, и похоже, что

я ему тоже. Если в первое время негатив был, всё же на его дочь бочку катил, то к концу общения этот негатив сошёл на нет. Тем более Поскрёбышев приходил, подтвердил, что Светлана в указанное время действительно гуляла по парку, и хотя до компетентных органов подобные крамольные слова Светланы не дошли, она могла их сказать, вполне в её духе. В виде шутки, например.

Ничего серьёзного мы не обсуждали. Хозяин кабинета позвонил в соответствующую службу и попросил принять от меня средства в виде слитков золота и направить соответствующий фонд для постройки завода по производству автоматов. Вот кроме этого мы действительно просто общались, и, похоже, Сталин знакомился со мной, таким обычным способом составлял мнение обо мне и, судя по тому, как он пригласил приходить в случае нужды, нужное впечатление я на него произвёл.

Всего я пробыл со Сталиным почти три часа, за это время в приёмной скопилось изрядно народу, поэтому, когда покинул кабинет, встретил заметное недовольство, направленное на меня во взглядах, а там ведь и генералы были.

– Саша, – окликнул меня Поскрёбышев и подтолкнул к краю стула бумажный пакет. Подойдя и заглянув в него, я расплылся в улыбке и искренне поблагодарил тёзку:

– Спасибо большое.

Молча кивнув, тот едва заметно улыбнулся и провёл ладонью по своей лысой голове.

Покинув кабинет, я спустился к пропускной, где, к моему удивлению, мне вернули всё, что я сдал. Вот выйти не успел, остановил незнакомый старший лейтенант. Всё той же службы НКВД. Меня сопровождали по коридорам в другой кабинет. Кого я там встречу, уже ожидал, так что, проходя в кабинет, сразу поздоровался:

– Здравствуйте, товарищ Берия.

Сотрудник, сопровождавший меня, взял пакет из рук, осмотрел, что внутри, и увидел только печенье, подарок Поскрёбышева. Потом забрал ножи и кистень, отложив в сторону. Берия за всем этим с интересом наблюдал. Кстати, пенсне у него не было. Обидно, Сталин за всё время нашего разговора не закурил, терпел, а тут пенсне не было...

– Это что, заговор? – прямо спросил я.

– Ты о чём? – тут же насторожился Берия, да и боец его напружинился.

– Пока с товарищем Сталиным общался, он ни разу не закурил, хотя трубка в его руках – это уже синоним. – Указал на наркома: – Где пенсне? Товарищ Берия без пенсне – это не товарищ Берия.

Тот засмеялся, мне удалось сбить тот настрой, что он готовил для беседы, чего я и добивался. Надев пенсне, которое достал из нагрудного кармана френча, Лаврентий Павлович вставил его в глазницу и поинтересовался:

– Теперь похож?

– Вот теперь верю. – Устроившись на стуле напротив нар-

кома, я поинтересовался: — О чём поговорить хотели?

— О конце войны или дате моей смерти, например, — сделавшись серьёзным, пристально отслеживая мою мимику, сказал он.

Несколько растерявшись, я удивлённо спросил:

— Вы умереть собираетесь?

— Дата моей смерти известна.

— Цыганки нагадали?

— Прекрати! — ударил тот ладонью по столешнице, получилось громко. — Я знаю, кто ты!

— Да я так думаю, теперь все тут об этом знают, после вчерашнего эфира.

Нарком явно не был уверен: я этот неизвестный отправитель писем или нет, поэтому раскрыть больше информации не мог, на случай если я всё же не тот, кто ему нужен. Наскоком он меня взять не смог, не выдал я себя, так что смысла давить дальше я не видел, в принципе он тоже. Ещё немного поиграв взглядом, Берия кивнул и уже нормальным тоном стал интересоваться, как прошла встреча с товарищем Сталиным. Узнав о Светлане и её якобы словах, он схватился за голову, хотя когда я сказал, что и его Сталин за нос таскал, только нервно хохотнул.

Просидели мы чуть больше часа, тот сотрудник, что меня привёл, на удивление быстро, показывая немалый опыт, конспектировал нашу беседу. Выяснив всё, что Берии было нужно, и пообещав пригласить меня для более вдумчивой

беседы, он отпустил меня. Тот же сотрудник сопровождал меня к выходу и передал с рук на руки другим командирам. Двое были из того же наркомата, а вот трое других оказались сотрудниками госбанка, именно они и будут принимать золото. У них было две эмки. Поехали сначала ко мне домой, я хотел печенье своим отдать и переодеться, сказал, что золото там, иначе не повезли бы. Оставив недовольных банковских служащих в машине, пообещав быстро вернуться, рванул к себе. При этом Лушу, что уже пришла из школы, отправил за участковым, пусть присутствует.

Пока переодевался, рассказал родне, как встречался с самим товарищем Сталиным и как тот угостил печеньем. Все сразу же стали пробовать угощение, по одной печенюшке взяли, остальное на вечер. Не удивлюсь, если несколько печений засушат, чтобы гостям показывать, мол, из Кремля, подарок самого товарища Сталина. Они могут, вполне в их духе. А мама тихо спросила:

– Об отце не спрашивал?

– У товарища Сталина нет, а вот потом с товарищем Берией разговаривал, вот у него, набравшись храбрости, попросил узнать насчёт отца. Он обещал.

– Спасибо, – так же тихо сказала мама и, взлохматив мои волосы, прижала меня к груди.

Я переоделся, подхватил винтовку и, свистнув Волка, моего жоака, выбежал на улицу. Раз в лес повезут, заодно и поохочусь, после новоселья нужно пополнить запасы свеже-

го мяса. В машине Волк недовольно возился в ногах — места мало, кроме моих ног ещё и приклад винтовки.

— У перекрёстка подождём участкового, я его вызвал по-присутствовать.

— Зачем он нам? — недовольно спросил старший из банковских служащих. Мне вообще кажется, что он единственный работник банка, а остальные типичные охранники.

— Пусть будет, мне так спокойнее. Ему я доверяю, а вам нет. К тому же у него своё начальство, которому тоже отписываться нужно... А вот и он, от паромной переправы поднимается.

Я попросил участкового сесть во вторую машину, и судя по тому, как он приветливо здоровался, кого-то из командиров НКВД знал лично.

Мы доехали до места, где была передача оружия коммунистам. Оставив машину с водителями, стали углубляться в лес. Волк в это время наворачивал круги, вынюхивая запахи леса. Добравшись до моей отметки, я указал одному из охранников на дерево:

— Вон там дупло, в него и сложено золото. На слитки сверху накинута мешковина. Как подниметесь, сбросьте её вниз, на неё и будем укладывать слитки для составления акта приёма-передачи.

— Понял.

Закинув карабин за спину, он, подпрыгнув, ухватился за нижнюю ветку и, подтянувшись, стал взбираться. Оказав-

шись у дупла, немного повозился, устраиваясь поудобнее, и, посмотрев внутрь, крикнул:

– Норма, что-то есть!

Он сбросил мешковину, которую мы расстелили под деревом, и стал вынимать слитки, другой охранник ловко подхватывал их и укладывал в ряд на материю. Старший у них делал опись и несколько массивным фотоаппаратом снимки. Когда всё золото оказалось на материи, охранник осмотрел ещё раз дупло и сообщил:

– Пусто.

Когда он спустился, к дуплу поднялся один из сотрудников НКВД и подтвердил, что в нём пусто. Видимо, это обычная процедура, а не недоверие. Мы подписали все необходимые бумаги, мне тоже выдали квитанцию, милиционер у нас был за свидетеля, также ставя подписи на всех документах. После этого, сопроводив всех до опушки и проследив, как они уехали, я потрепал Волка по холке:

– Ну что, пробежимся? Мало ли, повезёт и что добудем... Гав? Это типа одобрение? Будем считать, что так. Тогда побежали подальше, здесь мы всю дичь распугали.

– Сашка! – услышал я звонкий голосок Ольги. – Сашка!

– Ну чего? – выглянул я из открытого люка моторного отсека. – Не видишь, мы заняты?

– Сашка! – Сестрёлка слетела с кручи, подбежала к баркасу и, ухватившись за леера, подтянулась, с любопытством

рассматривая, что мы с дедом делаем.

– Ну чего случилось?

– Там дяденьки военные приехали. К тебе.

– Всё, деда, шабаш, похоже, завтра доделывать будем.

– Хорошо, – с облегчением вздохнул дед и опустил тяжёлую кувалду.

Подготовка баркаса к зимовью немного затянулась. Более плотно ознакомившись с судном, я всё же нашёл мелкую, но проблему: сальник левого гребного винта явно подтекал, вот мы его и выбивали. Замену я нашёл в порту, бартером добыл, благо валы тут стояли стандартные.

Выбравшись по трапу на берег, я подошёл к мостику и, разбежавшись, ушёл под воду. Осень, вода уже холодная, так что взбодрился я хорошо. Раздеваться не требовалось, мы с дедом работали в одном исподнем, чтобы не испачкаться, я так в одних чёрных боксёрских трусах был. Как ни береглись, а всё равно все в масле. Немного поплавав и поймав брошенный дедом обмылок, намылился и хоть так смыл масло. Пока я вытирался полотенцем на берегу, сидя на борту вытащенной лодки, дед, отфыркиваясь, ополаскивался у кромки реки, для него вода так совсем холодная.

– Деда, ты закрой всё, инструменты прибери, чтобы малые не растащили, и баркас запри, а я побегу, нужно узнать, что там случилось, а то пять дней тишина. Даже в газетах молчание.

– Сделаем, – степенно ответил тот, принимая от меня по-

лотенце.

Взбежав по лестнице, чтобы согреться после купания, — Ольга едва поспевала за мной, — я добежал до дома, накинул там рубаху и штаны и босой вышел во двор. После сдачи золота соответствующей службе обо мне будто забыли. Я ходил в школу уже спокойно, ажиотаж со мной начал постепенно стихать, спокойно занимался домом, палисадник мы с дедом починили и даже покрасили. Выкопали картошку и остальные корнеплоды, сейчас сушатся в сарае, потом спустим в погреб. Я добыл кабана — случайно, на зайца пошёл — и с помощью местного за долю малую на телеге довёз добычу до дома, и вчера мама с бабушкой натушили на зиму с три десятка горшков с тушёнкой. Сегодня утром с дедом спустили их на ледник. Ну и занимался баркасом. Мне удалось пообщаться с начальником порта, и тот, заинтересовавшись тем, что к началу судоходства я постараюсь вернуть судно в строй, легко согласился на внештатную единицу, и мы ударили по рукам. Только восстанавливаю баркас я сам. Дед, номинальный хозяин баркаса, получил все необходимые документы, так что наше судно числилось нештатной единицей порта. А ещё я пристроил деда дневным охранником на въезде на территорию порта. Оружие у него своё, берданка, так что деда легко приняли на работу. Работа через день, с семи утра до семи вечера. Дед доволен, при деле, и время на хозяйство есть.

О своих песнях я не забывал. Музыку зарегистрировать

не могу, нот не знаю, не имею музыкального образования, зато слова, стихи, более сорока уже зарегистрировал, с помощью мамы, она у меня как поручитель и опекун была. Родитель, одним словом. Так что вопрос об авторстве я закрыл на первое время. Через месяц ещё столько же песен регистрирую. Нужно бы ещё решать вопрос с музыкой, учиться, так что я попросил директора устроить меня в музыкальную школу на вечерние уроки.

Тут ещё мама перед фактом поставила: записалась на курсы гражданских медсестёр. Уже начала ездить на занятия на велосипеде. Так что видимся только утром и вечерами. Всё хозяйство фактически свалилось на бабушку и Марину, разве что у них помощницы Луша и Валя. Ничего, справляются. Я ещё хотел в госпиталь к раненым ездить и исполнять им там свои песни, да всё времени не было, слишком плотный график. Когда с ним немного разберусь, освобожу время, тогда можно будет. Хотя о раненых не забывал: ставил ловушки на реке, где лежи крупные попадались, и их сестрёнки отвозили на кухню в госпиталь, хоть такой приварок к столу. Уже получили устную благодарность от главврача...

У машины стоял знакомый командир, который был тогда с майором Строгоновым, командиром добровольческого коммунистического батальона. Он был то ли начальник штаба, то ли командир одной из рот, должность, когда мы познакомились, он не сообщил.

– Здравствуй, Саша, – приветливо поздоровался он и тут

же с ходу: — Ну что, готов выполнить своё обещание?

— Это о чём речь? — не понял я.

— Ну как же, а лекция? У нас всё готово. Через два часа начало.

— А, вон вы о чём, а я уж об этом забыть успел.

В это время к нам подкатила на велосипеде Марина, с интересом рассматривая машину и военного. Вот соседи особого любопытства не проявляли, лишь так, лёгкий, уже привыкли, что у нашего двора постоянно какие-то дела творятся.

— Здравствуйте, — кивнула Марина старлею и посмотрела на меня: — Ты надолго?

— До ужина не ждите, думаю, даже позже буду.

— Хорошо.

Сегодня воскресенье, мы не учились, и я, приведя себя в порядок и взяв конспекты и гитару, направился с сопровождающими к месту, где будет проводиться лекция. Пока ехали, я бездумно смотрел на дома, улицы, прохожих, мысленно настраивая себя на общение с бойцами и командиром батальона. К моему удивлению, привезли меня на территорию какого-то завода, как-то я потерялся, пока ехали, и не сразу сообразил, какого. Оказалось, тут выпускали наши грузовики, те, что шофёры в войсках ласково прозвали «Захаром».

В большом цехе народу хватало, тут были не только военные, но и много гражданских, видимо, работников завода. Чуть позже я понял, что часть их как раз из личного состава

ва батальона, но им форму пока не выдали, наверное, в наличии не было, шьют. Оборудовано всё было хорошо, даже микрофон стоял, наверное, местные электрики постарались.

Когда меня представили, я прошёл к нему и сказал:

– Здравствуйте, товарищи. – Дождавшись, когда шум приветствия стихнет, продолжил: – Я понимаю, что у вас есть множество вопросов на разные темы, но давайте их оставим к концу лекции. Сегодняшняя тема – это новейшие методики современной войны. Советую вам на листках писать вопросы и передавать мне, я буду отвечать. Намекну, что вопросы, написанные на масле, намазанном на хлеб, и покрытые сверху кружочками колбасы, будут рассматриваться в первую очередь.

Переждав, когда в цехе стихнет смех, я раскрыл конспекты и, осмотрев собравшихся, начал говорить:

– Не нужно думать, что я вот такой специалист. Нет, я передаю вам то, что слышал от фронтовиков, я передам вам их опыт, полученный с боями, потерями и поражениями. Я методист, который, изучив тот опыт, что получили фронтовики, подготовил из него учебный материал. Вы бы и сами его легко могли получить, посетив госпитали и пообщавшись с ранеными. Этот опыт можно обобщить и распространить по войскам в виде инструкций и методичек, что заметно снизит потери. Ладно, начнём. Сразу скажу, чтобы отпали сомнения: современные методики войны базируются на плотном взаимодействии разных родов войск, что немцы блестя-

ще и демонстрируют. Я их не хвалю, просто говорю, они – враг, но и у них есть чему поучиться. Начнём с взаимодействия стрелкового батальона и артиллерии, что для вас, кстати, очень актуально. Советую записывать, эту аналитическую выкладку мне дал полковник артиллерии, так что я знаю, о чём говорю. Первый параграф: взаимодействие батальона с противотанковой батареей, приписанной к этому батальону. Как не допустить потери батареи, сохранить её для следующих боёв. Ведь как, обычно потери среди противотанкистов в первом же бою существенные, второй бой переживают единицы, и остаётся против танков одна голая пехота. Как этого не допустить? Решение простое: постоянная смена позиций, которых должно быть подготовлено много. Пока три орудия меняют позицию, четвёртое стреляет (это если батарея четырёхорудийная, что бывает не всегда). Никогда не стрелять с одного места, после каждого боя через силу готовить запасные позиции. Можно привлекать для этого пехоту...

Говорил я долго, изредка прерываясь, чтобы попить воды, и вдруг заметил Сталина, он сидел в стороне за спинами командиров и внимательно слушал. Я его и не заметил бы, маскировался хорошо, но его выдал Поскрёбышев блеском лысины. Я присмотрелся, узнал и кивнул, здороваясь, получив в ответ такой же кивок. Дальше я на этого важного гостя внимания не обращал. Лишь раз охрана у них дёрнулась, когда я достал учебное пособие – «лимонку», примотанную

к палке, заготовку для растяжки, и в течение получаса показывал разные способы применения таких минных ловушек. Заканчивал с одной темой и переходил к другой. Под конец, когда, как и обещал, начал отвечать на вопросы, отметил, что Сталин исчез, как и когда, я так и не заметил. А гранату у меня всё-таки отобрали и не вернули.

После лекции был банкет, где я исполнил несколько песен. Встречей остались довольны все, и я, и слушатели. А на обратном пути у меня пошёл отходняк, поэтому и не общался со словоохотливым водителем и всё тем же командиром, оказавшимся адъютантом батальона.

– А ну, тормозни, – встрепнулся я, пристально всматриваясь в толпу прохожих.

– Что случилось? – поинтересовался адъютант.

Водитель стал припарковываться, а я слегка подрагивающим от волнения голосом ответил:

– Помните, я рассказывал о диверсантах, которых выслеживал под Москвой да упустил, но комендантскую роту вывел на другую группу? Как пример ставил?

– Помню, пять девчат они зарезали и водителя.

– Описывая тот случай, я отметил, что уверен, что лейтенант там был из наших, вырос в Союзе.

– И что?

– Вот там видишь лётчика, что лыбится с двумя девицами? Это он.

– То есть это тот самый диверсант?! – сразу же взревел

стралей, лапая кобуру на боку. Да и водитель тоже насторожился.

– Не дёргайтесь, а то внимание привлечёте.

– Так брать его надо! – был крик души адъютанта батальона.

– Ага, потом следователи НКВД тебя отблагодарят промеж ушей. Но спасибо точно не скажут. Ну возьмём мы его, возможно, даже живым, во что я не особо верю, подготовка у вас не та, а меня он близко не подпустит, узнает. Время потеряем – пока допросят, всё выяснят, сообщники уйдут. Нет, нужно к нему прицепить наблюдателей, чтобы он поводил их по укромным местам, к своим помощникам в городе, выдал тех. Всю сеть надо вскрыть, а не одного диверсанта отловить.

– Толково говоришь. Что предлагаешь сейчас делать?

– Нужно вызвать наряд, позвонить в НКВД. Вон на углу таксофон. Мне нельзя выходить, он меня сразу узнает, успел тогда рассмотреть.

Я и так сполз с сиденья, стараясь не высовываться.

– Тогда я иду, – решил батальонный адъютант.

– Идите, только не смотрите в его сторону. Ведите себя как обычно. Как телефонистка свяжет вас с нужным управлением, сообщите свои данные, потом – что опознали и обнаружили диверсанта, который участвовал в убийстве девушки и водителя неделю назад. Скажите, где находится этот «лётчик», внешнее его описание, на какой улице, возле какого дома. Дальше они сами разберутся, что делать, это спе-

цифика их работы.

– Понял.

Старлей покинул машину и прогулочным шагом двинул к таксофону, козыряя командирам. В кабине он пробыл минуты две, потом купил в киоске бутылку лимонада и вернулся.

– Ох и палит, хоть и вечер, – влез он в машину и завозил-ся, устраиваясь поудобнее на переднем пассажирском сиденье. – Ночью точно дождь будет.

– Что сказали? – Попив лимонаду, я вернул бутылку хозяину.

– Сказали ждать на месте и сопровождать издали этого лейтенанта. Когда прибудут их люди, ехать к ним в управление. Отписываться будем.

– Понятно. Всё как обычно... Кстати, как он там, а то я не вижу?

– Болтает ещё, – ответил водитель, которому через зеркало заднего обзора было удобнее наблюдать за диверсантом. – Интересно, чем он их так привлёк, вон как гогочут гусыни.

– Ага, он и тех девиц также заговорил. Язык подвешен, общаться умеет. У немцев такие наверняка особенно ценятся. Там лимонад остался?

– Не, допил, – сообщил водитель, показывая пустую бутылку.

И мы замолчали в ожидании наружки из управления НКВД.

Как сообщил старлей, описание нашей машины и её номер

он дал, найдут нас быстро, если лейтенант никуда не денется. А тот всё болтал, и до нас доносились взрывы смеха, хотя мы метрах в тридцати от них стояли.

– О! – восторженно воскликнул водитель. – Ещё один командир к тому диверсанту подошёл. Вроде стрелок, петлицы малиновые. Звания не разглядеть, далеко.

– Да не крутитесь вы, внимание привлечёте, – посоветовал я. – Эх, выглянуть не могу, посмотреть, знаю я этого неизвестного командира или нет. Из той же он четвёрки или это местный кадр, завербованный немцами.

Тут в окно старлею постучалась женщина цыганистого вида с корзинкой цветов.

– Купи, красавец, недорого, – заулыбалась она золотыми зубами.

– Идите, гражданка, – отмахнулся тот, опуская стекло.

– Уезжайте, – коротко ответила женщина приказным тоном, после чего, оставив оторопевшие застывшие старлея на месте, стала прогуливаться и предлагать цветы другим прохожим.

– Поехали, чего ждём? Видите же, наружна прибыла.

– Так это они?! – с восхищением протянул старлей, пока водитель запускал двигатель. – Во дают...

– Это их работа.

Мы доехали до управления, где нас всех троих направили к следователю, который вёл это дело. Конечно, детали операции до нас не доводили, даже подписку о неразглашении

взяли, но очень подробно опросили, а мне дали посмотреть ещё мокрый снимок, где вместе со знакомым лейтенантом, сейчас он был мамлеем-лётчиком, стоял ещё один, в звании майора. Вот его я не знал, о чём честно сообщил. В первый раз видел.

Когда мы покинули управление, уже совсем стемнело. Меня докинули до хаты и уехали.

Естественно, меня ждали, всех гложило любопытство, как всё прошло. Так что, когда услышали шум мотора и потом я скрипнул воротами, проходя во двор, – тут же подбежал Волк и другие лайки, обнюхивая, – семья высыпала на крыльцо.

– Ну как? – сразу же спросила Марина.

– Покормите меня сначала, напоите, а потом опрашивайте. С утра не жрамши. Меня, конечно, угощали в батальоне, да что там, закуски одни. Зато спиртного выставили... Наверно, до сих пор квасят.

– Идём, мама тоже только что пришла, вместе и поедите.

Оббив у входа сапоги, я прошёл на кухню. Мне налили полную тарелку борща. С пампушками и свежей сметаной, всё как я любил. И мы с мамой сели ужинать. Изредка отрываясь от тарелки, я рассказал, как прошла лекция в батальоне. О встрече с диверсантом, естественно, утаил, не та информация, которой следовало делиться.

Следующий день прошёл до обеда как обычно. Как гово-

рится, ничто не предвещало. Последним уроком у нас была физкультура, играли в футбол класс на класс и вели счёт 7:6. Я левым защитником был. Ну, по крайней мере, я сам себя так считал, потому как на футбол это гоняние толпой мяча от ворот к воротам мало походило. Но весело. Я сразу и не заметил, что у нас на спортплощадке появилось новое лицо – мы как раз запинали мяч в ворота противника вместе с вратарём и двумя защитниками. Хотя, кажется, там один наш был. 8:6. Тут-то и прозвучал свисток учительницы по физкультуре, останавливая игру, и она подозвала меня. Тут же со скамьи запасных рванул на моё место один из одноклассников, и битва на футбольном поле закипела с новой силой.

Гостя я сразу узнал, Лабухин собственной персоной, причём в знакомом костюме – именно в нём он был, когда некоторое время передвигался с нами по дороге смерти. Потом разошлись наши пути-дорожки. Сейчас костюм был отстиран и отглажен.

– Здравствуй, Саша.

– Здравствуйте, Константин Львович. Что случилось?

– А что, моё появление может быть вызвано только какой-то случайностью или нуждой?

– А разве нет?

Мы отошли в сторону и сели на скамью под любопытными перекрёстными взглядами сразу двух классов. Лабухин на это внимания не обращал, а я тем более, так что нам ничто не мешало общению, ну кроме мяча, который кто-то запу-

стиль со снайперской точностью прямо в голову моему собеседнику. Он машинально отбил его, однако свёл на миг глаза в кучу, но быстро встряхнулся.

– Значит, сегодня дыра в эфире? – задумчиво протянул я. – Мной закрыть хотите? С чего бы это? Вроде моё первое и последнее выступление восторгов у ваших коллег не вызвало, насколько я понимаю.

– У нас восторгов не вызвало то, что передача прошла без согласования цензуры. Диктора, конечно, хотели наказать, да и редактора тоже, но сверху спустили приказ, всё оставить как есть. Так что никаких мер не было, все работают как обычно. А вот насчёт того, что реакции на твой эфир не было, то тут ты не совсем в курсе. Нас завалили письмами. Неделя прошла, а уже двенадцать мешков, письма всё идут и идут. Со всех сторон, немало и с фронта.

– Мне об этом ничего не известно.

– Приказали попридержать информацию. Все письма нами были изучены, почти тридцать человек читали, были и помощники из партийных организаций. На некоторые письма нужно ответить.

– Опять отредактированная речь? – усмехнулся я.

– А тут ты не угадал. Когда мне ставили задачу поговорить с тобой, этот момент обговорили особенно. Не припомню, чтобы раньше было такое. В общем, просили передать: у тебя полтора часа эфира личного времени. Можешь говорить что хочешь, но займи его. Естественно за всё, что ты произне-

сёшь, будешь нести ответственность один ты и никто более.

– Экспериментаторы хреновы, – невольно покачал я головой, прекрасно представляя, чьи тигриные ушки торчат из этой авантюры.

– Единственно просили никаких секретных сведений не передавать, включая методы борьбы с немцами. Те, что в эфире выдавать нельзя. Мне сказали, ты сам поймёшь, о чём тебя просят.

– Да, это понятно.

– Всё, что нужно было сказать, я сказал. Эфир в семь часов вечера, но ты за два часа приходи. Там ещё скажут, что нужно, и согласуют эфир. Ты хорошо говоришь, чётко и внятно, не теряешься. Легко находишь разные ответы и вообще непринуждённо ведёшь себя в прямом эфире, а это трудно, поверь мне. Так что ждём.

– Лады, буду.

Как только помредактора ушёл, рядом на скамейку приземлилась Маринка и затеребила меня. Лабухина она узнала и понимала, что разговор был важным.

– Эфир вечером, просили подойти заранее, – отстранённо ответил я, обдумывая только что прошедший разговор.

Всё это было похоже на ловушку. Видимо, Сталин решил посмотреть, как выкручусь я из этой ситуации. На пару с Берией наверняка работали. Полной уверенности у них не было, то ли я тот, кто им нужен, кого они искали, то ли нет, вот и провоцировали меня. Надеялись, выдам себя.

– Ладно, хотите запоминающийся эфир, получите. Обещанных краёв не перейду, но содрогнётесь, – шепнул я себе под нос.

– А во сколько эфир?

Хорошо, Марина не расслышала моей фразы.

– В семь вечера. Сегодня.

– Быстрые какие, – подивилась она и убежала делиться новостью, тут же собрав вокруг себя большую группу одноклассниц.

После уроков у школьного крыльца меня окликнула декретриса:

– Саша, подожди!

Я обернулся:

– Что-то случилось, Татьяна Валериевна?

– Случилось. Записала я тебя в музыкальную школу на вечерние уроки. Уже с сегодняшнего дня можешь начинать. Начальный класс, как ты и просил.

– Вот это отличная новость. Может, я сейчас успею?

– Назовёшь себя секретарю, она всё объяснит.

– Спасибо.

Добежав до музыкальной школы, которая находилась в соседнем районе, я узнал, что меня действительно оформили, записал время уроков, сообщил педагогу, что сегодня не могу быть, вечер занят, и рванул домой. Деда не было, у него сегодня смена на работе, так что, переодевшись и открыв баркас, занялся делом. Сальник я всё же снял, хоть и без кувал-

ды, а потом установил новый, закрепив его. Проверить, подтекает или нет, можно будет только в следующем году, когда спустим судно на воду. Убрав инструмент, помылся в бане, собрался, прихватил гитару и направился к трамвайной остановке. Пора в путь-дорожку. Эфир ждёт.

– Готов? – поинтересовался у меня диктор.

Не знаю, кто поставил его, но и сегодня я вёл эту передачу в эфире с тем же диктором, что и в прошлый раз.

– А что, есть сомнения? – усмехнулся я. – Готов-готов, можно начинать.

Рабочий студии, что был ответственен за эфир, стоял чуть в стороне с наушниками на голове. Передачи в большинстве своём велись в прямом эфире из-за отвратительного качества звукозаписывающих средств, ну и хранить записи было не на чем. Если давали такую запись с пластинок, то качество воспроизведения оставляло желать лучшего. Слушатели сразу отмечали эту самую разницу, так что только в крайнем случае давали запись, да и ту старались довести до идеала. Тот же хор в тесное помещение студии не впихнёшь, вот их давали в записи.

В это время звукач, отметив время, начал на пальцах показывать отсчёт до начала нашего эфира. Я особо не волновался, начинать не мне, это работа диктора. О том, что я снова буду в эфире, объявили ещё утром. Я это пропустил, уже ушёл в школу, так что был не в курсе. Как оказалось, ажи-

отаж с моим прошлым выступлением был очень большим, да вообще чуть ли не буря разразилась, мне верили и нет, разные люди попадались. Вот фронтовики почти все были за меня. В моём районе это всё для меня как-то незамеченным прошло, можно сказать, пронесло, а вот в других областях, особенно на фронте, рассказанные мной истории вызывали настоящие бури. Где положительные, а где и нет. Приходило много писем от фронтовиков, где те рассказывали немало историй, подтверждающих мои рассказы, отчего кровь стыла в жилах. Сейчас с этими письмами работал соответствующий информационный отдел Политуправления РККА. Вроде как хотели печатать их в газетах. Мне их читать не дали, лишь сносками ознакомили перед эфиром. Ну были и те, кто грязью меня в письмах поливал, мол, зачем такую чушь пишешь, немцы пушистые, няшки. Этих брали на особый карандаш, при том что часть писем были без обратных адресатов.

Размышляя, я отслеживал речь диктора. Тот отработал написанную для него программу, сообщил, что редакцией принимается и обрабатывается масса писем, которые приходят на моё имя. И наконец, после десяти минут словоблудия, как только растянуть смог, дал слово мне. Я уже успел поздороваться со слушателями, ещё когда диктор сообщил, что я в студии, так что начал без промедлений. Дали мне полную свободу, так получите. Не разочарую. Как я понял, от меня ожидали нечто подобного, что было в прошлый раз, когда

наша передача пошла не по сценарию, меня это полностью устраивало, да что устраивало, даже радовало. Мне было что сказать.

Начал я с обязательной программы по ответам на письма, большая часть которых была от фронтовиков, но встречались и от обычных жителей нашей необъятной страны. Мне действительно отобрали полтора десятка писем, самых интересных, на которые нужно обязательно ответить. Я их мельком прочитал перед эфиром, но так как ответы мне уже написали, я особо в них не вникал, но парочка меня заинтересовала, на которые я и собирался ответить уже от себя.

– Вот тут у меня в руках письмо от старшего сержанта зенитной артиллерии Фёдора Лапина, коммуниста с тридцать шестого года. Он описывает, как выходил из окружения под Могилёвом и свидетелем каких зверств гитлеровцев стал...

Естественно, у меня в руках не письмо было, запинаясь, читать каракули в прямом эфире я не мог, так что держал листок с отпечатанным на машинке текстом. Зачитав, чему был свидетелем этот сержант, я понёс отсебятину:

– Подтверждая рассказ сержанта, скажу, что немцы не единожды уничтожали наших раненых, медсанбаты, госпитали. Разными способами, разными зверствами. Они ведь считают себя победителями и уверены, что наказания за это не будет, поэтому и творят на захваченных территориях что хотят. Но что стоит отметить: и наши стали отвечать в последнее время, когда откидывали немцев, сбивая их с пози-

ций, не особо себя сдерживая как с пленными немцами, так и с ранеными. То есть если немцы наш медсанбат с врачами, ранеными и медперсоналом вырежут, так и наши сравняют счёт.

Конечно, нехорошо так говорить, но лично я за адекватный ответ: «Око за око, зуб за зуб». Это письмо натолкнуло меня на решение передать вам рассказ одной молодой женщины. Она рассказала мне его три дня назад здесь, в Москве. В тот день я посетил вещевой рынок. Со мной сестрёнка была. Она меня окликнула, а прохожий поинтересовался, не тот ли я Поляков, что по радио выступал. Собралась большая толпа, почти два часа с ними общался, на множество вопросов отвечал. С трудом вырваться смог, и когда мы с покупками шли к выходу, нас догнала молодая женщина. Меня поразило, что в свои лет двадцать пять она была совершенно седая. Молодая седая женщина. Она сказала, что тоже слышала по радио моё выступление. С ненавистью в голосе она сказала, что немцы не звери, они хуже. Её рассказ потряс даже меня. Поэтому, как и в прошлый раз, прошу людей с неустойчивой психикой, с большим сердцем, ну и детей, отойти от радиоприёмников и не слушать рассказ. Прежде чем начать, я сделаю небольшое отступление, дам информацию, которую почему-то замалчивают. Немцы подписали международное соглашение Женевской конвенции о содержании военнопленных, а Советский Союз нет. Поэтому немцы считают, что у них развязаны руки по отношению к плен-

ным и захваченным территориям и они могут творить что хотят, они по международному суду неподсудны, и в чём-то они правы. Победитель – вот кто будет судьёй, и немцам мы победу не отдадим. Теперь рассказ. Сестрёнка моя убежала, оставив нас одних с женщиной, и мы смогли спокойно поговорить. Она категорически отказалась называть своё имя. И я назвал её Катериной. Не знаю почему. Ну вот посмотришь на человека – и имя его прямо просится на язык. Угадал или нет, но поправлять она меня не стала. Катя был врачом, молодой специалист, стоматолог. Её по направлению отправили в город недалеко от границы, Владимир-Волынский. Год жила там, лечила, обычная судьба. Но началась война, и с толпами беженцев Катя направилась в тыл. Три дня, всего три дня пути, когда их догнали мотоциклисты. Катя в тот момент помогала перевязывать раненых армейцев после обстрела с воздуха колонны, и, несмотря на гражданское платье, её отправили в лагерь для военнопленных. Ещё немного отвлекусь, я не знал, а Катя пояснила: немцы считали военнопленными всех мужчин призывного возраста, будь он военный или гражданский, если ловили, всех отправляли в лагерь. Да, шесть миллионов военнопленных, о которых трубят, хвастаясь, немцы, есть такое дело, только вот военных из них меньше трети. Да и те в основном тыловики. Ведь как уже стало известно, боевые части советских дивизий сражаются до конца, попадает в плен мизер, да и те не выдерживают дорог, будучи ослабленными ранами, и их добивают кон-

воиры, оставляя тела лежать на обочинах. Так что в лагерях очень мало бойцов и командиров боевых подразделений, там именно тыловики. Они, конечно, тоже бегут, но мало, не те специалисты. Вот и Катя оказалась в таком лагере, где все вперемешку. Туалетов не было, ходят под себя, спать можно только сидя на голой земле, места не хватало, разделения на мужской сектор или на женский тоже не было. Тяжело. Начались повальные самоубийства. Людей постоянно приводили в лагерь и часть уводили. Так что количество практически не уменьшалось. Катя пробыла в лагере две недели, и ей повезло, что её не увели с группой других пленных. А могли. Недалеко от лагеря, куда она попала, была деревня Васильевка, а около неё пять больших песчаных карьеров. Когда начальнику лагеря спустили приказ уменьшить количество пленных, он набрал отщепенцев из пленных, повязав их кровью. А делали это просто. В лагерь, естественно, попадали и командиры, кто раненный без сознания, кто контуженный, и они старались скрыть своё звание. Но в лагерях всегда были люди немцев, которые выявляли таких скрывающихся командиров и выдавали их. А немцы заставляли этих же предателей казнить своих соотечественников, всё это снимая на плёнку. Сами в таких делах руки марать брезговали. Не все из военнопленных, конечно, хотели этого, некоторые думали – соглашусь немцам служить, выведут меня наружу и утеку. Так ведь гитлеровцы тоже не дураки, и у них всё продумано и отработано. Из таких предателей немцы сформировали

несколько рот, и даже пулемётную роту, вооружив их станковыми пулемётами «максим», захваченными в боях с нашими войсками. Что делали немцы, чтобы выполнить приказ, поступивший от командования? Они формировали в лагере колонну человек в пятьсот и роты капов, как немцы называют предателей из русских. Ещё есть хиви, но те служат не в боевых частях, а ремонтниками, водителями, сапёрами. Хотя как раз большинство предателей, как ни странно, украинцы, особенно из западных областей, русские действительно там встречаются, но их гораздо меньше. В общем, эти капы сопровождали колонну к карьеру. Там уже ждали пулемётчики. Пленных спускали на дно, и пулемётчики расстреливали их. После этого конвойная рота тоже спускалась и штыками добивала выживших. Обязательно штыками. Тратить попусту патроны им было запрещено. Тут вторая конвойная рота подводила следующую группу пленных, которых заставляли всех расстрелянных раскладывать рядами по дну карьера и засыпать песком. Но капы плохо делали свою работу, и, говорят, там, где лежали недобитые, песок шевелился. Когда трупы закопали, расстреляли и их могильщиков, а следом вели уже новую колонну пленных. И так раз за разом. И длилось это не один день, неделями. Конечно же Катя об этом ничего не знала, и на тот момент имела естественный цвет волос. За неделю до того, как Катю вывели из лагеря с очередной колонной, направляющейся к карьерам, наша дальнебомбардировочная авиация совершила воздушный налёт

на крупный железнодорожный узел в Польше, через который шло снабжение нескольких немецких армий. Станция была разрушена, но один бомбардировщик немцы сбили. Тройка мессеров зашла со стороны солнца и расстреляла его. Наши стрелки смогли сбить одного немца и подбить второго, третий в одиночку перестал наскакивать на зубастую цель. Повреждённый бомбардировщик вынужденно пошёл на посадку. Сели они уже на нашей бывшей территории, успели перелететь Буг. Лётчики сняли пулемёты и направились за отступающим фронтом. По пути они обрастали людьми, на них выходили окруженцы, и когда оказались в окрестностях карьеров, это уже был крупный спаянный с частыми перестрелками с немцами отряд, которым руководил командир экипажа майор Лапотников. Отряд насчитывал в своём составе сорок семь бойцов. Когда разведчики доложили майору, что на опушке какая-то странная возня, то он решил посмотреть лично и увидел, как всё происходило, только помочь ничем не мог. С ним лишь пара бойцов из отряда была. Да ему и в голову не приходило, что немцы сейчас расстреляют всех, кого загнали в карьер, это было выше его понимания. Так что он и его разведчики в кровь искусаки кулаки, наблюдая, как пулемётчики, все в советской военной форме, только с нарукавными повязками помощников гитлеровцев, расстреливают своих сограждан. Немцев там было всего пятеро, которые на плёнку фотоаппаратов документировали расстрелы. Лапотников сообразил, что скоро прибудет

следующая партия, поэтому отправил своих бойцов за всем отрядом. Когда они подошли, то рассредоточились, приготовившись к бою. И вдарили. Скорострельные авиационные пулемёты буквально просеки прокладывали среди пулемётчиков. Во время схватки удалось захватить одного немца, это был унтер. Многие из спасённых, покидая котлован, разбегались, среди них была и Катя. Ей повезло, она добежала до окруженцев, и они её приняли, им нужен был врач, даже такой. Отряд быстро стал уходить, ведь по их пятам немцы тут же бросили группу преследования. Когда смогли оторваться, река помогла, решили допросить унтера, а кроме Кати, никто немецкого языка не знал. Вот она и стала переводчиком. Немец охотно всё рассказал. Тогда-то Катя и поседела, осознав весь ужас рассказа унтера. Четыре котлована из пяти были засыпаны вровень с поверхностью и пятый наполовину. Наши окруженцы помешали. Вдумайтесь, **ЧЕТЫРЕ КОТЛОВАНА**. А ведь некоторые из них имели глубину до пятнадцати, а то и двадцати метров, да и размеры впечатляли. Я слушал, как Катя глухим голосом всё это рассказывает, а у меня перед глазами стояли эти засыпанные котлованы и песок шевелится. Я сам тогда чуть не поседел. Я спросил у Кати, правдив ли её рассказ, и она показала на руке длинный цифровой номер, эти номера накалывают всем пленным. Дальше история проста: немца повесили. Отряд двинулся дальше. За месяц он приблизился к передовой, но их стали преследовать. Майор Лапотников со своими лётчи-

ками из экипажа и самыми лучшими бойцами остался в заслоне, чтобы дать остальным уйти. Люди слышали, как в течение получаса позади шёл страшный бой. Когда всё стихло, стали звучать редкие винтовочные выстрелы. Окруженцы не раз встречались с немцами и знали, сейчас там добивали раненых. Все бойцы, что вызвались остановить преследователей, погибли. У передовой окруженцы встретились с другим отрядом, которым командовал командир дивизии. Они совместно прорвали оборону, и большая часть смогла вырваться к своим. Катя всё это рассказала в особом отделе, там даже были предоставлены фотоаппарат с плёнкой, снятый с того унтера. На этом всё. Катю посадили на поезд, и она отбыла в Москву. Страшная история... Четыре котлована... доверху... Извините, я сейчас просто не могу говорить, поэтому вернёмся немного позже к письмам слушателей, а сейчас я вам спою, настроение подходящее. Когда я рассказывал, как с семьёй уходил по дорогам смерти к Москве, то там множество эпизодов было, хоть мемуары пиши. И была вот такая встреча. На обочине у околицы деревни сидел красноармеец, лет за сорок, с новеньким орденом Красной Звезды на груди, но пустым рукавом гимнастёрки. В боях за нашу страну он потерял руку. Свесив голову, боец плакал. В руке у него была бутылка водки, к которой он так и не притронулся. Пока дед от колодца носил воды напоить лошадей, я подошёл, не мог не подойти. И тот рассказал свою историю, излил душу, и почти сразу она сложилась в песню.

Тронув струны гитары, настраиваясь, я запел:

Я полмира почти через злые бои
Прошагал и прополз с батальоном,
А обратно меня за заслуги мои
Санитарным везли эшелоном.

Привезли —
вот родимый порог —
На полуторке к самому дому.
Я стоял – и немел, а над крышей дымок
Поднимался не так – по-другому.

Окна словно боялись в глаза мне взглянуть.
И хозяйка не рада солдату —
Не припала в слезах на могучую грудь,
А руками всплеснула – и в хату.

И залаяли псы
на цепях.
Я шагнул в полутёмные сени,
За чужое за что-то запнулся в сенях,
Дверь рванул – подкосились колени.

Там сидел за столом на месте моём
Неприветливый новый хозяин.
И фуфайка на нём, и хозяйка при нём,
Потому я и псами обляян.

Это значит,
пока под огнём
Я спешил, ни минуты не весел,
Он все вещи в дому переставил моём
И по-своему всё перевесил.

Мы ходили под богом – под богом войны,
Артиллерия нас накрывала,
Но смертельная рана зашла со спины
И изменою в сердце застряла.

Я себя
в пояснице согнул,
Силу воли позвал на подмогу:
– Извините, товарищи, что завернул
По ошибке к чужому порогу.

Дескать, мир да любовь вам, да хлеба на стол,
Чтоб согласие по дому ходило...
Ну а он даже ухом в ответ не повёл,
Вроде так и положено было.

Зашатался некрашенный пол,
Я не хлопнул дверьми, как когда-то,
Только окна раскрылись, когда я ушёл,
И взглянули мне вслед виновато¹.

---

¹ В. Высоцкий. «Песня Вани у Марии» из к/ф «Одиножды один»

– Я понимаю, песня не сказать что хорошая. Но жизненная. Я ведь что вижу, то и пою. А раз выдался мне такой случай, обращаюсь к нашим военным медикам, особенно к хирургам. Возможно, в этой беде помогут те, кто стоит над ними и командует. Тот боец, который пришёл в свой дом, и оказалось, что он чужой, пока мы с ним на телеге уезжали в наши тылы, описал, как лишился руки. Получил ранение, через некоторое время – медсанбат, и он попал на операционный стол. Несмотря на то что ранение было не таким и серьёзным, хирург просто отпилил ему руку. Этот случай да, жестокий, но только в том госпитале, где лежал этот раненый боец, подобных сотни. Услышьте меня, прекратите эту бессмысленную бесчеловечную ампутацию, можно спасти конечность – спасите, иначе уже через пару лет наши города заполнят толпы военных инвалидов. Как вы им в глаза смотреть будете? Может, те, кто принимает решения, пусть отдадут такой приказ, чтобы запретить это дело и спасти конечности во что бы то ни стало. По этой теме у меня тоже есть песня, даже не песня, скорее зарисовка, крик души, и я её исполню.

Сейчас песни Высоцкого были в самую тему, вот я их и исполнял. Жёстко ударив по струнам, я запел:

Жил я с матерью и батей
На Арбате, – век бы так.
А теперь я в медсанбате
На кровати, весь в бинтах.

Что нам слава, что нам Клава —
Медсестра и белый свет!
Помер мой сосед, что справа,
Тот, что слева, — ещё нет.

И однажды — как в угаре —
Тот сосед, что слева, мне
Вдруг сказал: — Послушай, парень,
У тебя ноги-то нет.

Как же так! Неправда, братцы!
Он, наверно, пошутил?
— Мы отрежем только пальцы, —
Так мне доктор говорил.

Но сосед, который слева,
Всё смеялся, всё шутил.
Даже если ночью бредил —
Всё про ногу говорил,

Издевался: мол, не встанешь!
Не увидишь, мол, жены!
Поглядел бы ты, товарищ,
На себя со стороны.

Если б был я не калека
И слезал с кровати вниз,
Я б тому, который слева,

Прямо глотку перегрыз!

Умолял сестричку Клаву

Показать, какой я стал.

Был бы жив сосед, что справа, —

Он бы правду мне сказал...²

Выждав секунды три, после того как стихло звучание струн моей гитары, я снова заговорил. Минутная стрелка на моих наручных часах продолжала свой бег, и не хотелось терять драгоценное время. Если я хотел провести запоминающуюся передачу, как это было в первый раз, в чём признался главный редактор перед эфиром, то стоит поторопиться. Бум действительно был такой, будто эфир выстрелил как из пушки. Но при этом и патриотический подъём резко возрос. Он и так был на огромной высоте, а сейчас зашкаливал. Да много что там было после того моего выступления, всего и не перечислишь. Например, я выдал информацию о военнопленных, которая считалась особо секретной. Это всё замалчивалось. То, что я озвучил, что наших взяли в плен в огромном количестве, вызвало шок у слушателей, об этом никто не знал. Но как оказалось, власть держащие немного ошибались, это не вызвало панику, злее стали – да, пропало милосердие к противнику и перестали считать немцев братьями – это точно. В общем, вышло так, что мой тот эфир ещё боль-

---

² В. Высоцкий. «Песня о госпитале».

ше сплотил народ, укрепил его. Видимо, сейчас авторы идеи ещё одного моего выступления надеялись укрепить тот эффект. Тут наверняка ещё и Берия подсуетился, уверен, что и его уши тут торчат, не только Сталина. Он желает вывести меня на чистую воду, подтвердить свою уверенность, что те письма писал именно я. Вот этого мне не очень хотелось, и хотя я собирался, так сказать, взорвать этот эфир, всё же буду лавировать так, чтобы ни нашим ни вашим.

– Надо признаться, в этой истории я немного нагнетал атмосферу, объясняя причину ампутации. Когда мы на телеге ехали с тем бойцом и я, выслушав его рассказ, обругал того хирурга, то солдат, к моему удивлению, встал на его защиту. Во время операции боец был в сознании и видел, что врач шатается от усталости и едва стоит на ногах, вторые сутки не спал. Один он хирург в медсанбате остался, другой был убит во время вражеского налёта, а третий тяжело ранен. Конечно, руку вылечить можно было бы, но тут встал очень непростой выбор. Если лечить руку, то это время, а в очереди ещё трое срочных раненых, которым также требуется операция. Врач сделал выбор: этот солдат потерял руку, но другим раненым он успел оказать медицинскую помощь, и те выжили. Это осталось на совести хирурга, это его крест, который он должен нести. Однако это лишь мелкий эпизод. Ампутаций, что проводят в госпиталях и медсанбатах, действительно нереально много, и это бесчинство нужно прекратить. Я лично голосую «за». Товарищи, поддержите меня.

Диктор, на которого я посмотрел, кивнул, соглашаясь вступить в диспут:

– Я так думаю, ответственные товарищи прислушаются к словам Александра, убедятся, что всё действительно так, и действительно запретят подобное дело.

В это время подошедшая молоденькая сотрудница радио положила передо мной листок. Пробежав по нему глазами, я кивнул, и его отнесли диктору. Тот тоже быстро прочитал текст и продолжил вести эфир:

– Александр, до нашей студии только что дозвонились два наших слушателя, которые задали некоторые вопросы. Если ты не против, я их зачитаю.

– Я не против.

– Хорошо. Звонила женщина из подмосковного города Серпухова. Она интересуется, что дальше стало с тем бойцом, которого так подло предала жена. И второй звонок от старшего политрука Зоценко, который находится на излечении в одном из военных госпиталей Москвы. Он слушал твой рассказ о том, что случилось у деревни Васильевка, и смог, добравшись до кабинета главврача, дозвониться до нас. Он сообщил, что ты рассказал не всё. Он был там, более того, его гнали к тому же карьеру, как и Катю. Он из тех, кто спасся. Если ты не против, я опишу его историю. Зоценко попал в плен в бессознательном состоянии с осколочными ранениями спины и шеи. Смог выжить в лагере и был включён в колонну. Его спасли, как и других, и он присоединился

к отряду майора Лапотникова и присутствовал при допросе унтера. Потом всё было действительно, как ты и рассказывал. Повторно политрука ранили, когда был прорыв через линию фронта, он получил тяжёлые ранения, и его отправили в Москву лечиться.

Слушая, я кивал, задумчиво поглядывая на диктора и вспоминая ту встречу с Катей у рынка. Я практически слово в слово описал всё, что она мне в таких подробностях рассказала. Но как оказалось, в Москве был ещё один свидетель расстрелов, и он указал мне на недочёты в рассказе. Этого я, конечно, не ожидал. Так что, когда диктор замолчал, вопросительно посмотрев на меня, я стал отвечать:

– Да, я действительно рассказал не всё, сократил рассказ, чтобы не совсем уж травмировать психику слушателей. Но раз мне указали на неполноту пересказа, я опишу, что именно не раскрывал. В действительности котлованы находились от опушки в полутора километрах, и отряд майора просто физически с такого расстояния не мог ликвидировать предателей. Однако в ту сторону вёл овраг, вот по нему бойцы по-пластунски, чтобы не обнаружить себя, и поползли к противнику. Как выяснилось, немцы о нём тоже знали и заминировали его. К счастью, среди окруженцев было два сапёра, и они сняли эти мины, что позволило отряду двинуть дальше. Вот и суть моего сокращения, что пока бойцы ползли и снимали мины, что заняло достаточно времени, немцы привели ещё одну колонну и успели её расстрелять. Вот следую-

щую колонну, где была Катя и, видимо, тот старший политрук, бойцы и спасли. Наступающий вечер позволил им уйти от погони. Вот и вся неточность, на которой меня поймали. Уж извините. Постараюсь больше подобного не допускать. А по поводу того солдата по первому вопросу, его, кстати, звали Зосим, Зосим Андреев, то он с нами проехал почти сто километров, и мы высадили его у одной из деревень, где почти не осталось мужчин, ушедших на фронт. Он согласился стать председателем колхоза и поселился у вдовствующей солдатки. К сожалению, задерживаться мы не могли и вскоре уехали оттуда. Но насколько я в курсе, немцев остановили в сорока километрах от той деревни. Это всё, что я могу сказать. Мне не известно, что сейчас с ним и жив ли он.

— Благодарю, Александр. Сейчас я прочитаю письмо нашей слушательницы. Антонина Петровна из Горького просит тебя рассказать о себе. Какой ты, характер, привычки, любимые дела. Многих наших слушателей ты очень заинтересовал, и это не единственное подобное письмо. Признаюсь, их тысячи.

— Интересная просьба, постараюсь ответить. На самом деле я очень смешливый и весёлый и люблю хорошие компании, меня считают душой разных встреч, заводилой. Люблю организовывать праздники, дни рождения. Все соседи радовались, если у нас был какой праздник, это значит, я снова порадуя их каким-нибудь необычным выступлением. Если бы не тема нашей передачи, я рассказал бы столько смеш-

ных историй и анекдотов, что, думаю, долго о них вспоминали бы, однако наша встреча началась несколько мрачно. Как смогли выяснить советские учёные, смех продлевает жизнь, и я с ними полностью согласен. Вот если бы открыли отдельную юмористическую передачу, хотя бы для первого раза минут в десять, я смог бы показать вам, что такое настоящий юмор. Сейчас, извините, не та тема. Не хочу говорить пошлости, атмосфера не позволяет. По поводу моих предпочтений могу сказать, что их много. Самые главные, их два, охота и музыка, в этом я без скромности считаю себя докой, специалистом. Помимо них – рыбалка, вождение, а я вожу и машины, и мотоциклы, хотя опыта очень мало, могу ремонтом авто- и мототехники заниматься, руки растут откуда надо. Люблю со своими сёстрами и братишкой возиться, на ночь песни детские им петь. О-о-о, у меня много детских песен, и мои сестрички их обожают. Как бы я ни устал или ни был занят, я всегда стараюсь сам их укладывать. Если не получается, меня замещают, благо певуний у меня в семье хватает. А вот характер... описывать, уж извините, не буду. Я уже давно описал свой характер в песне, возможно, кто-то опознает в ней себя. Песня «Я не люблю».

Сейчас все песни Высоцкого и впрямь были в тему, и отходить от них я не хотел. К тому же непонятно как, но они всплывали в моей памяти, хотя казалось, некоторые я подзабыл. Сам удивляюсь. Мне действительно нужно было выстрелить в эфире, и я твёрдо поставил себе задачу выполнить

это. Так что, тронув струны гитары, я стал в песне реально описывать себя, ведь в ней я видел и себя тоже:

Я не люблю фатального исхода,
От жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
Когда весёлых песен не пою.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и ещё —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Я не люблю, когда — наполовину,
Или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
Я также против выстрелов в упор.

Я ненавижу сплетни в виде версий,
Червей сомненья, почестей иглу.
Или — когда всё время против шерсти,
Или — когда железом по стеклу.

Я не люблю уверенности сытой,
Уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь» забыто
И коль в чести наветы за глаза.

Когда я вижу сломанные крылья,

Нет жалости во мне – и неспроста:
Я не люблю насилия и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
И не люблю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
Тем более – когда в неё плюют.

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю.
Пусть впереди большие перемены —
Я это никогда не полюблю³.

Замерев на миг, я продолжил как ни в чём не бывало:

– Как видите, я вполне полно ответил на ваши вопросы.

Продолжим?

– Да, Александр, продолжим.

– Теперь моя очередь зачитывать следующее письмо. Оно снова с фронта. От некоего капитана Васильева, командира стрелкового батальона. Полностью зачитывать письмо не буду, опишу суть. Капитан благодарит меня за те сведения, которые были мной сообщены в прошлую передачу, и просит рассказать наконец историю о двенадцати пограничниках, что набили столько техники и личного состава вермахта и люфтваффе. Судя по тону письма, капитан – опытный фрон-

---

³ В. Высоцкий. «Я не люблю».

товик, который воюет с начала войны, сомневается в реальности подобного. Что ж, расскажу. История действительно на удивление занимательная. Многие фронтовики, надеюсь, почерпнут много нового для себя из чужого опыта. Историю мне эту рассказал пограничник из того полевого госпиталя, он лежал среди тяжелораненых с генералом и остальными, которых я вам уже описывал. Он умер до того, как я уехал, и его рассказ – из первых уст. Войну они встретили на границе, о начале войны знали за неделю, да даже раньше. И в какой день начнётся, и во сколько. Рапорты вверх по командованию отправляли, это чтобы тех, кто возмутится – как же так, война для нас стала внезапной! – успокоить. Пограничникам, как и внешней разведке, не верили, просто не верили, другого ответа у меня нет. Всегда им отвечали так: это провокация, не поддаваться. Но ведь на границе не дураки служили, пусть командование им не верило, но сами они готовились. Погибать за непробиваемость командиров никто не хотел. В общем, на момент, когда немецкие бомбардировщики пересекли границу, пограничники находились не в казармах, а в окопах в ожидании. Когда немцы ударили и командир заставы убедился, что война действительно началась, то они родных отправили в тыл, в основном пешком, а сами сидели и ждали. Покинуть позиции без приказа они не имели права. Немцы артиллерией и бомбёжкой с авиации снесли заставу. Точно били, два залпа – и все строения снесены. Ещё бы, столько времени было, чтобы узнать, где что

находится, и навести орудия. Вот об окопах они не знали, там маскировочная сеть натянута была, сами пограницы эти позиции по ночам копали, вот и не был противник о них в курсе. Неприятным сюрпризом оказались. Посыльные, отправленные в тыл, не вернулись, их перехватывали те, кто резал связь застав с комендатурами. Это были диверсанты и их пособники из местных жителей. В общем, пограничники встретили полуроту немцев огнём. Те расслабленные были, думали, добьют выживших зелёнофуражечников и дальше пойдут. А тут кровью умылись. Пограницы подпустили их и ударили в упор, а потом броском подняли остальных на штыки. Немцы уничтожены были полностью. Два снайпера из окопов, что прикрывали атаку, из своих СВТ выбили тех, кто пытался уйти, так что действительно всех положили. Немцы разозлились на такие потери и ближе к обеду нанесли удар авиацией, подтянув ещё пехоту. Я не буду рассказывать, как пограничники, с надеждой поглядывая в сторону тыла, ожидали помощи, отбивая одну атаку за другой, уничтожив около двух рот и подбив два бронетранспортёра, но помощь так и не пришла. Более того, по удаляющейся стрельбе и канонаде они поняли, что наши откатываются от границы. Пограницов осталось восемнадцать из шестидесяти, элитные бойцы, не побоюсь этого слова. В общем, лейтенант, единственный командир, выживший в этих схватках, приказал отходить. Забрав раненых, они ушли, оставив своих не погребённых товарищей на практически полностью разрушенных позици-

ях. Выбора другого не было. Шли дня три, в одном месте на хуторе оставили у надёжных людей раненых, которые их связывали, и двинули дальше за нашими. Их осталось двенадцать. Те самые двенадцать героев. Командовал ими лейтенант Маланов. Вот теперь и сама история. Через неделю пути пограницы стали свидетелями страшной военной драмы. Видимо, у немцев сломался танк, а это был средний Т-4, и после ремонта они догоняли своих. На дороге, пересекающей лесную поляну, они догнали телегу с нашими ранеными, которая, вероятно, где-то пряталась неподалёку и наконец решила двинуть дальше, догнать своих. Немцы большие любители убивать наших раненых: они раздавили телегу, никто с неё не спасся, кроме молоденького парнишки-возницы и девушки-медсестры. Парнишку они сразу убили, а вот с девушкой... Думаю, не стоит рассказывать, что они с ней сделали, наши пограничники застали их в тот момент, когда они после насилия поправляли одежду. Тут ещё командир танка достал пистолет и застрелил рыдающую медсестру. Почти сразу последовал залп с опушки, и танкисты попадали, все пятеро стояли над несчастной. Во время осмотра и сбора трофеев выяснилось, что командир танка был ранен. Лейтенант, который владел немецким на довольно неплохом уровне, допросил того и узнал, как прошла эта гнусность. Но лейтенант, обуздав в себе злость и чувство справедливости, немца не дострелил, а продолжил допрос. Его интересовал вермахт, особенно его техника. Умный парень. От него узнал,

что танки у немцев очень даже хороши, все детские недостатки за прошлые военные кампании убраны, и танкисты ими довольны. Но остался один: небольшая дальность хода на одной заправке. Не больше двухсот километров. Поэтому танкисты, когда наш фронт прорвали, берут с собой запас. Тут не только бензовозы, но и топливо в канистрах на борту танков. А большая часть танков у немцев работает на авиационном топливе, а он очень горюч, вспыхивает от любой искры. Теперь, я думаю, многие поймут, что если выстрелить зажигательной пулей по такой канистре, то будет факел на месте танка. И лейтенант это понял. Он долго допрашивал немца, пока его бойцы хоронили убитых. Они много тел видели, пока шли по тылам, а вот этих решили похоронить. Когда допрос был закончен, немца ликвидировали, а танк подорвали. Именно это преступление, что совершили немцы, и подтолкнуло командира этой небольшой группы не возвращаться в ближайшее время к нашим, а начать свою войну в тылах врага, партизанскую. И пограницы своего командира поддержали. До этой встречи с танком пограничники случайно наткнулись на уничтоженную с воздуха колонну наших войск. Немцы не утруждают себя захоронением наших погибших, заставляя этим заниматься деревенских или военнопленных. Если их по близости нет, то просто не обращают внимания, к тому же той дорогой они особо не пользовались. Пограницы тогда набрали себе продовольствия и боезапаса, всё, что пригодится, а вот когда уничтожили танк, лей-

тенант Маланов решил вернуться. Им много что нужно было, но главное – патроны с зажигательными пулями. В грузовиках с боеприпасами они нашли всё необходимое. Более того, даже отнесли в лес и сделали закладки, тайники, всё, что могло пригодиться: медикаменты, патроны, продовольствие. После этого и началась война. Всё рассказывать не буду, но первую засаду опишу, как это сделал тот пограничник, чтобы показать, что план лейтенанта удался. Общаясь с тем командиром танка, тот понял главное. Я немного отвлекусь и задам вопрос нашим радиослушателям: что важнее – люди или техника? Чтобы не тянуть время передачи, отвечу я сам и сразу. Не слушайте те лозунги, что распространяют в тылу. Их делают люди, которые мало что понимают. Опросите политруков с фронта. Они как один вам ответят. Важны конечно же люди. Отвечая так, имеются в виду специалисты. Ведь как: самолётами, кораблями, танками или теми же автомобилями управляют специалисты, которых надо готовить очень и очень долго и при уничтожении которых замену найти достаточно трудно. А если и найдут, то при таком отношении все резервы быстро закончатся. Это понимают и у нас, и в вермахте. Ещё немного отвлекусь от рассказа и немного поясню ситуацию. Я не знаю, сколько точно танков было у немцев, когда они вторглись на нашу территорию, но пусть для примера будет три тысячи. Примерно месяца два назад в штабе РККА подсчитали, что общее количество подбитых нашими войсками танков на тот момент – десять

тысяч. Там, конечно, преувеличено, но, как ни странно, не так и сильно. Мне об этом генерал рассказал. Удивительно, но факт, особо сводки не ввали, и немцы потеряли в боях с нашими войсками пять, а то и шесть тысяч танков. Как так случилось? А всё оказалось просто. Поясню: танков действительно три тысячи было, причём треть лёгких, они их в первые недели войны потеряли и стали восстанавливать. Именно восстанавливали. Хвалить немцев не хочется, но у них просто великолепно поставлена служба по восстановлению своей битой техники. Наши отступают, соответственно, все территории с побитой техникой остаются у них. Они оттаскивают тягачами на места восстановления, и уже через три или четыре дня этот танк снова идёт в бой. Поначалу боёв наши не понимали, в чём дело, некоторые танки подбивались два, три, четыре, а то и пять раз. Потом, когда сообразили, научились с ними бороться. Первое – уничтожали экипаж. Если это сделать, то некого будет вновь сажать внутрь. То есть как танк подбивался, замирал, несколько стрелков держали на прицеле его люки. Когда танкисты пытались выбраться, их расстреливали. То есть уничтожали тех самых ценных специалистов, имеющих огромный опыт ведения боевых действий. Ночью, если наших бойцов не сбили с позиций и те не отступили, с бутылками бензина или просто со спичками ползли к подбитым танкам добровольцы и поджигали их. Горевшие танки не восстанавливаются, и их отправляют эшелонами на переработку. То есть на фронте эти

танки уже не увидят, разве что после переплавки в виде новых. Только вот это новье нужно ждать больше месяца, а то и двух. То есть выигрывают время. Немцы, узнав, чем наши занимаются, стали отправлять по ночам группы своих солдат для защиты своей битой техники, и бывает, на местах встреч доходит до сражений, переходящих в рукопашные схватки. Так что это тоже всё не простое дело. Однако, главное, лейтенант знал, что нужно делать, и они делали. Первая колонна была ими остановлена на пять часов. Я повторю, именно остановлена и именно на пять часов. Удивительно, но по служебным инструкциям в случае обстрела колонны солдатам вермахта приказано найти стрелков. Если наши окружены, например, обстреляют пехотную колонну врага, ну, ранив пару солдат или убив одного, те обязаны прочесать окрестности, чтобы найти их. Представляете? Пара выстрелов – и полк встал, в результате он может не успеть к месту назначения, немцы не получают вовремя крайне необходимый резерв для атаки и тому подобное. Лейтенант-пограничник об этом знал и пользовался этим вовсю. Ими была остановлена автоколонна. Перед боем он заранее дал каждому своему бойцу задание. Стрелять нужно так. Первая цель – бронбойной пулей по мотору грузового автомобиля или бронетранспортёра. В случае, если встретится последний, стрелять зажигательными пулями по канистрам на броне. Лучше делать два выстрела, потому что в канистрах может быть вода. Одна канистра в держателях всегда с водой, и по за-

кону подлости обязательно это может оказаться она. Позже пограницы не раз с подобным сталкивались, так что предупреждение было в тему. Потом стрелять нужно по водителю обычной пулей. Это обязательно. Ну и по топливным бакам автомобиля. Если стрелять по грузовику, то в три этапа. Я их повторю. По мотору бронебойной, по водителю обычной и по бензобаку зажигательной. После чего переносить огонь на следующий автомобиль, не обращая внимания ни на что другое. На каждого бойца по два автомобиля, и если даже есть ещё цели, всё равно отходить. Лейтенант был правильным командиром. Не из тех, кого принято считать шапкозакидывателями. Опять немного отвлекусь. Я сам слышал, как на стоянке один политрук напутствовал бойцов, давая политинформацию. Её окончание звучало примерно так: бойцы должны умереть за свою родину. По-моему, он нёс полную чепуху. Ни один политрук-фронтовик такую ересь не скажет. Фактически тот призывал бойцов стройными рядами просто идти и умереть, устраивал геноцид своих сограждан. Правильные командиры и политруки сказали бы так: товарищи, идите и сделайте так, чтобы солдаты противника умирали за свою родину. Маланов был именно правильным командиром и терять своих людей не собирался. То есть не держаться за позицию до последнего патрона, а наносить постоянные удары и делать отскоки. Если он видел, что засада не удастся или будут потери, то он просто уводил своих людей. Ну постреляют они полсотни немцев, и всё, остальные

дальше будут жить. А тут уничтожат для примера десяток, уйдут дальше, там десяток, потом ещё десяток. И так постепенно их счёт может дойти до тысячи. Напомню, у группы Маланова он дошёл до двух тысяч, не считая уничтоженной техники, это показывает, что такая тактика себя оправдывает. В некоторых случаях, конечно, нужно держать позиции, как говорят политруки, до последнего бойца и до последнего патрона, но не в данном случае. Когда та, первая колонна приблизилась, пограничники лежали и держали в руках пустые, не снаряжённые обоймы, а у них у всех были СВТ и один ручной пулемёт. Выбрав цели, они по ним и снаряжали свои обоймы нужными патронами. Для грузовиков, для бронетранспортёров или танков своя очерёдность. Для танков только зажигательные, которые старались экономить. И когда лейтенант отдал приказ, открыли огонь. Почти сразу над колонной вспухло облако пламени, когда вспыхнула канистра на борту одного из бронетранспортёров, часть бензина странным образом плеснуло внутрь, и из машины стали с криками выпрыгивать объятые пламенем немцы. Пограничники, расстреляв по обойме, стали отползать и уходить. А на дороге горело два танка, четыре бронетранспортёра, восемь грузовиков и один топливозаправщик. Вот ещё одно: Маланов никогда не организовывал засаду, если не было хотя бы двух путей отхода, основного и резервного, поэтому они всегда уходили без потерь и отрывались от преследования. Как-то обстреляв роту велосипедистов, а у немцев и такие

подразделения были, они смогли добыть велосипеды и стали достаточно высококомобильными, быстро покидая зоны поисков. За полтора месяца боёв группа пограничников набила множество техники и уничтожила больше двух тысяч солдат и офицеров противника. В основном это были специалисты, те же танкисты, но больше всего водителей, около тысячи, ну и офицеров. На рядовой состав линейных частей они не обращали внимания, офицеры и унтеры были их целью, а погранцы отличные стрелки, снайперы. Как видите, то, что я рассказывал, действительно реально. Главное, иметь уверенность в своих силах, хорошего и опытного командира, который видит обстановку, и всё в ваших руках. Конечно, погранцам просто повезло, что они так долго охотились за колоннами. На них не раз устраивали облавы, от которых они благополучно уходили. Погранцы настолько обнаглели, что минировали дороги немецкими же минами или полностью уничтожали небольшие колонны. Въехала колонна из шести грузовиков в лес – и всё, как сгинули, ни тел, ни машин. Таких случаев было немало. Однажды захватили несколько грузовиков с немецкими пулемётами и боеприпасами и поумному использовали их. Установили в засаде, к каждому пулемёту приставили по пограничнику без второго номера и, когда дождались пехотную колонну противника, вдарили. Выпустили по ленте, после чего отошли, бросив пулемёты. Если забирать, уйти бы не успели. А так уничтожили полторы роты немецких солдат их же оружием и благополучно

ушли. Потом ещё пару засад устроили, пока пулемёты не закончились. Вот так и воевали. Так что совет: если вдруг кто попадёт в окружение, тут зарекаться не стоит, всякое бывает, пользуйтесь опытом Маланова и его бойцов. Хватит сделать и один прицельный выстрел. Сейчас немцы, правда, не останавливаются, чтобы найти стрелка, учёные стали, уходят из-под обстрела, но всё равно опыт замечательный. До такой степени, что пограничники не раз устраивали обстрелы аэродромов противника, даже с помощью захваченных миномётов, которыми учились пользоваться на ходу, во время боя. Конец этого рейда был один – общая усталость. И лейтенант приказал уходить к своим. Вышли, а им, как водится, не поверили, рапорты приняли, но посчитали врунами. Сейчас эта группа где-то в составе патрулей охраняет тылы наших войск. Во время такой охраны в схватке с диверсантами тот пограничник был смертельно ранен, отчего мы и встретились в палатке тяжёлых. А ведь могли перенять их опыт, ведь группа пограничников, получивших такой уникальный опыт, могла им поделиться. Только вот никому это не нужно. Взять для примера кавалерию. Я сам сторонник современной войны, однако в этой войне кавалерия ещё покажет себя, и зря её задвигают. Для действий в тылу врага это идеальные подразделения. Сейчас их неправильно используют, в качестве обычной пехоты на передовой. Вот товарищ Будённый, очень умный и ответственный командир, если ему организовать центр управления по действиям в тылу противника

наших подвижных частей, то он всё организует так, что немцы свои транспортные колонны будут водить под серьёзной охраной, боясь каждого кустика, из которого может последовать винтовочный, а то и пушечный выстрел. Однако, как я уже говорил, никому этого не надо, воюем дедовскими методами. На днях я был в батальоне, которому обещал оружие, и...

– Извини, Александр, что перебиваю, мне нужно сообщить нашим слушателям некоторую информацию, – встрял диктор, остальные рабочие студии, с интересом слушавшие меня, сразу засуетились, поднося листы бумаги. – Товарищи, по просьбе руководства нашей страны и командования Красной армии, я выношу благодарность присутствующему в студии Александру Полякову. Он действительно подарил нашим войскам оружие, трофейное, добытое им лично, это уже проверено и подтверждено, а также передал отбитые у немцев слитки золота. По общему голосованию Центрального Комитета партии, было решено принять просьбу Александра и отправить полученные средства для постройки завода по изготовлению автоматов для нашей армии. Всё это будет сообщено и в центральных газетах.

– Спасибо, – тихо поблагодарил я, но в микрофон, то есть на всю страну.

Неожиданно, надо сказать, меня немного напрягало, что было молчание с этой стороны, а тут вот оно как, с задержкой, но всё же поблагодарили.

– Извини, что прервал, продолжай.

– Да, меня попросили устроить лекцию бойцам батальона, и во время неё я подробно описал этот рейд пограничников. Многие бойцы задавали вопросы, и я в меру своих знаний старался на них отвечать. Если что не знал, честно это говорил.

– История, конечно, занимательная, честно говоря, звучала как сказка, но интересная, и хотелось бы всему этому верить.

– Так, а в чём дело? Можно найти лейтенанта Маланова, он вам всё это опишет в красках, всё же был сам участником тех дел.

– Но ведь им не поверили?

– Это обычное дело, как я уже говорил. Кстати, была ещё одна история. У меня их много, но эту я расскажу. Один сапёр, у него даже оружия не было, кроме плотницкого топора и ножа, выходил в одиночку из окружения и наткнулся на стоявшую на позициях немецкую гаубичную батарею. Ночь, часовые бдят, остальные спят. Я не буду описывать, как он топором зарубил часовых, а потом, с ножом в руках проникая в палатки, резал спящих артиллеристов. Потом обложил ящиками со снарядами гаубицы, облил их бензином из баков грузовиков и убежал. Он сапёр, но мостовик, мосты строил, а как взрывать не знал. Факт остаётся фактом, этот неизвестный герой действительно уничтожил батарею. Когда он следующей ночью перебрался к нашим, ему не поверили. Од-

нако, когда посланные разведчики подтвердили, что это всё правда, то искать героя было поздно, его давно отправили на фильтр, чтобы там, опросив, направить в свою или другую часть. Никто даже не запомнил, как его звали. Вот некоторые не самые честные тыловые командиры и приписали этот подвиг себе, отправив рапорты наверх. Мне об этом писарь раненый рассказал. Сам им наградные листы оформлял.

– Как-то всё это нехорошо было, подло.

– Подло? Хм, вы даже не знаете, что такое подлость. Тех командиров я не осуждаю, обычная практика. Есть одна история, рассказанная мне тем самым раненым генералом. От первого лица, так сказать. Вот там была настоящая подлость, и главное, что виновник этого просто не понимал, даже не осознавал, что он совершает её. Как будто так и надо. Я не хотел рассказывать эту историю, но расскажу, среди фронтовиков она известна, может, кто услышит её с подробностями, и только. Время у нас ещё есть?

– Да, пока есть.

– Вот как раз и закончим на этом. Прежде чем начать, я вот что скажу. Как вы, товарищи слушатели, наверное, заметили, когда я описываю какую-нибудь историю, то иногда прерываюсь, чтобы прояснить тот или иной момент. Фронтовики знают, о чём я говорю, и им разжёвывать ничего не нужно, это всё для вас. Объясняю я тем, кто находится в тылу, гражданским, они не знают всей специфики войны. Иначе они просто многое не поймут. В этой истории мне тоже

придётся отвлекаться, чтобы прояснить некоторые моменты.

– Было бы интересно послушать, – согласился диктор.

Главный редактор, который стоял в дверях и держал трубку у телефона – я, кажется, догадываюсь, с кем он разговаривал, – кивнул. Нам дали добро на рассказ этой истории. Реального случая, между прочим.

– В какой это произошло дивизии, я говорить не буду, всем, кому нужно, это и так известно. Начинается этот рассказ с подвига. самого настоящего подвига. На позиции одного из батальонов дивизии рано утром началась разведка боем, немцы прощупывали нашу оборону и начали раз за разом атаковать позиции. Противотанковую батарею быстро уничтожили, позиции выдали выстрелами и поднятой пылью. Обычно перед стволами пушек землю поливают водой, чтобы при выстреле не была поднята пыль, но тут артиллеристы то ли поленились, то ли не успели, их быстро обнаружили и уничтожили. Вот и остались бойцы с одними гранатами против танков. После первой атаки шесть танков замерли чадящими кострами над окопами батальона, остальные отошли, после второй этих костров уже было тринадцать. Последовала третья атака, и её отбили. Почти. В одном месте защитники были выбиты, и в наш тыл прорвался один танк. Командир станкового пулемётного расчёта, сержант, пытался добежать по окопам и бросить на танк бутылку с зажигательной смесью, но просто не успел. По иронии судьбы это оказался не средний танк, а лёгкий, которых к тому

моменту у немцев осталось очень мало, уничтожили их наши. Это был Т-2. Стреляя из своей скорострельной автоматической пушки, он устремился в тыл. Может, не заметил КП батальона и ушёл в низину, а там овраг, где сложены на носилках наши раненые, те, кого выносили с поля боя и не успели эвакуировать в тыл. Немцы любят издеваться и убивать наших раненых, я об этом уже говорил, да и из писем с фронта от очевидцев известно. Вот и экипаж этого танка решил поразвлечься: обнаружив раненых, он устремился к ним. Бойцы пытались перекрыть ему путь, но пушка танка стреляла и стреляла, выбивая целые бреши в защитниках, так что просто никто до него не добежал. Среди раненых в овраге был простой счетовод из колхоза, призванный из деревни Ключево из-под Воронежа, Пётр Евграфов. Коммунист с двадцать второго года, крепкий сорокалетний мужик, на фронте он занимал должность замполитрука и носил старшинские знаки различия. Получив тяжёлое ранение руки, к моменту третьей атаки он очнулся и решил, что раненая рука – не причина отлынивать от боя, и, отмахнувшись от санитаров и фельдшера, который и наложил повязку на его руку, пошатываясь от большой потери крови, направился на позиции. Вот так и оказалось, что между ранеными и танком оказался Евграфов. Он уже две недели воевал и считался опытным фронтовиком. Кроме гранаты, оборонительной, без осколочной рубашки, РГД-33, при нём ничего не было, но опытный и умный боец даже с такой гранатой может что-

то сделать, а замполитрука был действительно соображающим командиром. Зная, что самое уязвимое место у вражеских танков — это надмоторная полка, сразу за башней, там жалюзи для вентиляции и охлаждения двигателя, он также понимал, что повредить двигатель такой гранатой невозможно. Если бросить её, то, взорвавшись, она максимум лишь слегка контузит экипаж и повредит жалюзи, да и то не факт. Любой сапёр скажет, что если взорвать заряд, то взрывная волна пойдёт туда, где легче, вверх и по бакам, оставив лишь маленькую ямку. Вот если выкопать яму, заложить заряд и закопать его, то взрывная волна пойдёт во все стороны, и получится большая воронка. Об этом Евграфов тоже знал. Поэтому он залёг, и когда танк, звеня гусеницами и ревя мотором, пролетел рядом, то, вскочив, догнал его, с трудом взобрался на броню и, приведя гранату к бою, просто лёг на неё. План старшины сработал, граната взорвалась, были повреждены не только жалюзи, но и мотор. Танк остановился, заглохнув, не доехав до раненых буквально считанные метры, и начал дымить. Подбежавшие бойцы, пока другие уносили раненых подальше, вскрыли люки и забросали внутрь гранаты, уничтожив экипаж. Герой погиб, но раненые были спасены. Командир батальона, на глазах которого всё это произошло, сразу же написал приказ о награждении Евграфова Золотой Звездой Героя. Во время этого эпизода в штабе батальона также присутствовал комиссар полка, он привёл помощь и зенитную пушку, и всё это видел. Поэтому поддер-

жал комбата и лично повёз наградной лист в штаб полка. Вот такое начало этой истории. Чтобы продолжить, я немного отвлекусь, чтобы прояснить некоторые моменты. Это тоже интересно и познавательно. Снова коснёмся военной медицины. Я думаю, что не все знают, что излечившиеся бойцы и командиры после выписки из госпиталей, практически никогда не возвращаются в свои части. Удивительно, но факт, существует такая практика, отправлять их в другие части. Да ладно бы той же направленности, так ведь нет, кавалериста могут отправить в артиллерию, артиллериста в пулемётчики, пулемётчика в миномётчики, миномётчика в езовые. То есть куда пошлют, там и служит. Я поражаюсь, наша страна настолько богатая, что можно тратить огромные средства на переобучение бойцов и командиров, вышедших из госпиталей. А ведь чтобы переобучить, нужно действительно тратить огромные средства и немало времени, чтобы те получили новую специальность. Я, когда об этом узнал, долго поверить не мог, правда это или надо мной подшучивают. Оказалось, правда. Извините, но я не понимаю, есть вообще мозги у тех командиров, что приняли такое решение, или они, как тот генерал из анекдота? Чтобы наши уважаемые слушатели поняли меня, я его расскажу. Однажды один полковник решил стать умнее, заменить мозг на более умный. Началась операция, ему извлекли из головы старый мозг и начали готовить новый, тот, что умный. Тут в операционную врывается адъютант полковника и кричит радостным голосом:

«Господин полковник, вам генерала дали!» Тот вскакивает со стола, надевает фуражку и парадным шагом идёт к выходу. Врач кричит ему вслед: «Господин генерал, а мозги-то, мозги-то забыли!» Тот оборачивается и отвечает: «А на хрена они мне теперь нужны?» – Покосившись на диктора – тот трясся от с трудом сдерживаемого смеха, – я продолжил: – Огромные средства тратятся на обучение, а траты по отправке такого бойца в свою часть – мизер по сравнению с этим, если даже его часть находится далеко, на другом фронте. Но нет, мы не пойдём лёгким путём, он не для нас, проще отдать приказ на обучение, а сколько это стоит, кого это волнует? А меня вот волнует. А уж какое тут поле деятельности для вражеских диверсантов и шпионов. Я не выдаю секретных сведений, немцы об этом прекрасно осведомлены и пользуются, что уж говорить. А что, нашёл такого предателя, согласившегося сотрудничать, прострелили ему плечо и с документами отправили к нам. Там госпиталь, а так как в свою часть он не вернётся, в новую отправят, то диверсант спокоен. Никто его не опознает, не скажет, что чужими документами пользуется. Я долго думал об этом, конечно, это всё нужно прекращать. Только вот что делать с теми средствами, что уже потратили? А нужно собрать военных экономистов, узнать, какая сумма уже была потрачена, и повесить этот долг на тех начальников, что приняли подобное решение. Вот только они его никогда не выплатят, и дети и внуки да даже прапрапраправнуки не выплатят. Сумма уже большая набежа-

ла, пару полков танков можно купить. Так ведь голову надо иметь, а не только чтобы в неё есть. Зла не хватает на таких... Извините, даже слова для определения найти не могу. Ладно, вернёмся к рассказу. Командиры, опытные командиры, прекрасно знали о такой порочной практике, а терять бойцов и командиров они не хотели. Поэтому отправляли в тыл только тех, кто будет долго лечиться и восстанавливаться, остальные проходили лечение в медсанбатах. Это уже везде практикуется, ну приходилось командирам изворачиваться, чтоб оставить у себя опытных бойцов, которых они знали как облупленных. Вот и командир батальона был опытным и тоже знал об этой практике. Кроме этого, существовала ещё одна проблема, очень серьёзная. Это усталость. Я не знаю, через какое время по уставу нужно менять дивизию на свежую, отводя её на отдых, но у нас это не практикуется. Просто замены нет, и бойцы в окопах находятся месяцами. А это очень тяжело переживать, постоянные обстрелы, бои, наступают усталость, отупение. При очередном обстреле они не укрываются в окопах и не понимают, что происходит, сидят и наблюдают, как вокруг взрываются мины, свистят осколки. Пока их за ноги не стащат в окоп. Много потерь от такой усталости. О ней командиры тоже прекрасно знают. Выход нашли – отправлять бойцов в медсанбат дивизии. В основном легкораненых, причём оформляя это как награду. Вот так по очереди и отправляют. Для многих бойцов такой отдых сродни награждению орденом, да некоторые даже лег-

ко его и на орден поменяют. Почему-то среди бойцов считалось, что они там будут отдыхать на белоснежных простынях, банька каждый день и, извините, хорошенькие медсёстры. Последнее обязательно. То есть о чём думают в окопах, о том и мечты. В действительности, мне это генерал, посмеиваясь, объяснил, их ожидали спокойные сны в палатках, ну и речка рядом для купания. То есть простой отдых, но все, кто не бывал в тылу, не отдыхал, уверен: медсёстры будут. Даже те, кто возвращался с отдыха, посмеиваясь, поддерживали этот миф... Продолжу рассказ. Когда бой стих и наступил вечер, командир батальона отобрал первую партию для отдыха из легкораненых, и это были настоящие герои, было за что награждать. Кто танк подбил, кто из пулемёта пехоту проредил, отчего она от танков отстала. Татарин Ильнур Аллояров, например, вытащил с поля боя шесть раненых бойцов и командира своего взвода и бутылками с зажигательной смесью поджёг два танка. Все герои, молодцы. И утром одиннадцать бойцов и несколько командиров ушли к штабу полка, там машина попутная должна была быть. Вот их и подкинут до медсанбата. Теперь и сама, не побоюсь этого слова, гнусная история. В том полку в штабе служил молодой боец, писарь. В то утро у него прихватило живот, и он, бросив все дела, побежал в туалет, прихватив пару листов бумаги со своего стола. Вроде бы ничего такого, а с бумагой-то на фронте действительно большая проблема, на самокрутки не хватает. А этот писарь впопыхах просто взял два верхних

листа. Да-да, вы всё правильно поняли, для чего он их взял. В общем, использовал оба листка. А это были представления на награждение. История имела продолжение. Все одиннадцать фронтовиков были тут же, ожидали машину, и один из бойцов зашёл в кабинку после писаря. Волей случая, стоя в позе атакующего орла, наклонившись вперёд, он на только что использованной бумаге в ведре рассмотрел фамилию. Евграфов. Не побрезговав, развернул комок и понял, что это наградной лист на их замполитрука. Боец, подтягивая штаны, рванул к своим, собрав их вокруг себя. Кто этим листком воспользовался, те видели. Кровь ударила им в голову, они все были свидетелями того подвига, поэтому рванули за бойцом, просто не понимая, что делают, такая ярость в них бушевала. Было бы оружие, они его расстреляли бы. Нагнали писаря на крыльце здания штаба и, сбив с ног, просто стали забивать. Толкаясь, чтобы хоть дотянуться, хоть как-то излить свою ярость. Татарин Аллояров на голову прыгнул, чтобы раздавить её. Своим они его уже не считали, вражиной – да, но не своим. Они не пытались объяснить, за что, просто его убивали. Комендантский взвод смог, хотя и не сразу, их оттащить, но было поздно, писарь был мёртв. Командир полка, который только что вернулся, застал конец того, что произошло. Разбираться не стал, даже слушать объяснения бойцов, те трясли обгаженным листом в доказательство, они только-только начали осознавать, что натворили, хотя сожаления у них не было. В общем, командир полка прика-

зал их расстрелять, сразу же, тут же за околицей деревни, где квартировал штаб. Я не буду успокаивать радиослушателей, что командира полка остановили. Нет, не остановили, всех одиннадцать расстреляли. Фронтовики не просили пощады, смотрели исподлобья, матерились и проклинали. Комиссар полка, когда вернулся из штаба дивизии, куда его вызывали, конечно, разобрался, что произошло, схватился за голову. Генерал, который описал эту историю, прибыл в эту часть через четыре дня. Ну а что теперь сделать, парней-то не вернуть. Генерал лишь отметил, что командир полка все же получил по заслугам. Через два дня после того, как он уехал в штаб армии, был воздушный налёт, и в противоздушную щель, где укрылся комполка, попала бомба... Я настолько был впечатлён этим рассказом, что забыл поинтересоваться, восстановили ли те наградные листы и отправили ли их дальше, не до того мне было. Думаю, восстановили, комиссар понимающий был, должен был это сделать. Генерал, видя, как я расстроен, сказал, что между штабными и фронтовиками этой дивизии пролегла большая пропасть, до драк доходило, однако нашли способ, как это всё прекратить. Через две недели всё было полностью улажено, хотя фронтовики тот случай не забыли. Эта история не получила распространения, особые отделы постарались. А способ назывался «Елизаровским», по имени полковника Елизарова, который его придумал. Рассказать его уже не успеваю, хотя тоже интересно и поучительно, время заканчивается, а будет

ли ещё передача, не знаю... А вот, мне сообщают, что решено продлить эфир, так что время появилось. Раз есть добро, дорасскажу. Комдив Елизаров оказался прекрасным командиром, и немцы ощутили это на своей шкуре, неся огромные потери. Однажды они использовали целый пехотный корпус, чтобы окружить и уничтожить дивизию, тридцать тысяч солдат против пяти тысяч наших бойцов и командиров, но елизаровцы вырвались, даже сохранили часть техники и тяжёлого вооружения, нанеся противнику серьёзные потери. История началась с конфликта между бойцами линейных частей и тыловиками. Не знаю, что за конфликт, генерал не рассказывал, лишь упомянул об этом, как о моменте, послужившим спусковым крючком. Елизаров знал, что такие моменты могут возникнуть, а тут, разозлившись на этот случай, издал по дивизии приказ, мол, все штабные и тыловые бойцы и командиры отправляются на передовую рядовыми бойцами, а легкораненые из медсанбата – на их место. На месяц! Конечно, мало знающие специфику тыловой и штабной службы раненые, откровенно говоря, плохо несли службу, но месяц продержались. Через указанное время на свои рабочие места и посты вернулись штабные и тыловики. Вернулось пятьдесят процентов, остальные – кто погиб, кто ранен, кто расстрелян по приговору трибунала за самострелы, а некоторые даже дезертировали к немцам. Но те, кто вернулся, кто прошёл через горнила боёв, делили с товарищами последний сухарь или последнюю обойму к винтовке, кто

как один поднимался с другими в атаку, был в рукопашной, отбивал атаки, те стали другими, они стали фронтовиками, опытными бойцами. С их возвращением служба заработала в три раза активнее и качественнее. Бойцы на передовой стали получать горячее питание каждый день в положенное время, а не от случая к случаю, всего стало в достатке. А как же, ведь у тех же писарей или штабных командиров на передовой остались братишки, с которыми они провоевали месяц и которым стали действительно братьями. Не по крови, так по оружию. Поэтому боевые подразделения снабжались всем необходимым в первую очередь. Генерал, рассказывая это, со смешком описал одну историю, произошедшую со штабом дивизии как раз после возвращения штабных из окопов. Дивизия Елизарова так мешала немцам, что, истратив другие методы, они решили направить на уничтожение штаба роту своих диверсантов, обряженных в нашу форму. Они такое проворачивали не раз, поэтому были уверены в успехе. На четырѐх ЗИСах девять десятков таких ряженных подкатили к штабу. Если бы штабные были прежние, у многих винтовки несколько месяцев не чищенные, то, скорее всего, план немцев выгорел бы. Но проблемой для них стало то, что штабные у Елизарова были теперь совсем другие, даже перемещаясь между избами, где устроились разные отделы, брали с собой винтовки. Ещё бы, целый месяц спали в обнимку с ними, как голым себя без оружия чувствуешь. Ну и гранаты на поясе, как же без этого. Так что когда немцы,

подъехав, атаковали, то штабные мгновенно отреагировали на стрельбу и взрывы гранат. В общем, диверсанты сразу отхватили крепких таких плутов, их сшибли у машин и заблокировали в одной из изб, забросав гранатами. В результате из всех диверсантов выжило лишь трое раненых, а сам бой шёл меньше пяти минут. Потери наших были невелики, да и то в основном из-за неожиданности нападения. Вот такие у Елизарова штабные и тыловики. И практику свою он продолжает, да и сами штабные новичков за своих не принимают: пока те в окопах хотя бы пару недель не просидят, они для них никто, и новички проходят эту обязательную окопную науку. Такая практика распространения по другим дивизиям не получила, но о ней знают, вот в той дивизии, где произошёл тот кошмарный инцидент, и воспользовались этим опытом. Способ не подвёл, фронтовики быстро вбили тыловикам, кулаками в основном, нужные понятия. Да если бы в дивизии у Елизарова подобное произошло, да другие писари того съестъ бы заставили эти грязные бумажки, написать новые наградные листы и отправили бы эту штабную крысу на передовую, навсегда, без права возвращения... Наша передача подошла к концу, и, пользуясь моментом, перед расставанием я поделюсь опытом, полученным от фронтовиков, с теми командирами и бойцами, которым скоро отправляться на фронт. Об окопах я уже рассказывал: рыть только окопы, никаких ячеек, их можно использовать, если противник вот-вот появится и окопы времени вырыть уже нет. Посто-

янное перемещение, с одного места долго стрелять нельзя. Это обязательно. И ещё: среди многих наших бойцов и командиров после летних отступлений пошли странные психологические болезни, называемые «самолётобоязнь», «окружениебоязнь» и «танкобоязнь». Против них тоже есть средства. По окружению. Для примера приведу анекдот о комдиве Чапаеве. В штаб к Чапаеву вбегает его ординарец Петька и кричит: «Товарищ комдив, белые вокруг!» – «Так это отлично, Петька, значит, наступать можно в любую сторону». Не надо делать трагедии, если попал в окружение, держите голову трезвой и воюйте, ведь даже в тылу у немцев можно воевать. Пример пограничников это ясно доказывает. По самолётам. Почему-то среди бойцов и командиров властвует мнение, что из простой винтовки сбить самолёт невозможно. Чепуха. На кой нам тогда зенитные счетверённые пулемёты, которые эти самые самолёты сшибают за милую душу? У них же патроны такие же, что используются в винтовках, ну разве что специальные, пулемётные. Да скорострельность, ёмкость лент... Так ведь и боец не один будет стрелять. Если налёт застал колонну во время марша, то взвод бойцов выпустит навстречу самолётам от тридцати до сорока пуль, но лучше сосредоточить огонь на ведущем, на первом. А если рота? Уже за сотню пуль, ну а батальон – за пятьсот, про полк я уже не говорю. То есть при залпе или при беглой стрельбе навстречу самолёту будут бить пятьсот стрелков, а это очное много, кто-то да попадёт. Причём ведь могут стрелять

и пулемётчики. Положил ствол на плечо второго номера и бей короткими очередями, подправляя прицел. При марше в дисках ручных пулемётов лучше иметь через один трассирующий, так пулемётчик, ориентируясь по своим очередям, сможет точнее стрелять. Опытные зенитчики на фронте именно так и делают, это я их опытом поделился. Командирам стоит написать методички, зарисовав, в каких позах бойцам стрелять, лёжа на спине, с колена или используя удобные подставки. Более того, провести несколько учений, поднять тревогу во время марша, крича «Воздух!», и смотреть, как бойцы рассредоточиваются по обочинам и занимают позиции для открытия огня. Дальше уже от вас зависит, если не собьёте, то не дадите бомбить прицельно, что уже хорошо, уменьшите потери. Ну а если какие недалёкие командиры будут говорить, что эта пустая трата боеприпасов, попробуйте – и увидите результат. Опыт быстро глаза открывает на многие вещи. Теперь по танкам. Многим частям обещают: придёте на фронт, дополучите всё необходимое, включая пушки и гранаты. Не верьте, сколько я ни общался с ранеными, ни разу обещанное выполнено не было. Хотя нет, извините, тут я всё же, похоже, немного солгал. Было один раз, что полку, прибывшему на фронт, действительно всё выдали практически по штатам, и об этом случае знают все бойцы по всем фронтам. Многие считают это мифом. Поступайте как опытные командиры, прошедшие Испанию или другие конфликты. На месте дислокации, до приказа направиться

на фронт, ищите пустые бутылки, набирайте их ящиками. Потому что на фронте бутылок вы не найдёте, фронтовики их давно собрали и использовали. Дальше, думаю, объяснять не нужно: залить бензин – и готова огненная смесь. Хотя какое-то средство против танков будет, а то некоторые наши части с одними винтовками встречали танки. Кстати, в одном эпизоде два танка даже целыми захватить смогли, без гранат и всего такого. Когда они прорвались к нам в тыл, за ними бросилось порядка тридцати бойцов. Они забрались на танки и закрыли щели шинелями и разными тряпками. Экипажи подёргались и сдались. Вот так смекалка помогла. Правда, тот полк позиции не удержал, нечем удерживать было, да и потери понёс... Так что держайте. Ещё отмечу один момент. Некоторые наши бойцы и командиры используют на передовой оружие противника. Вот только немцы, поймав такого бойца, всегда его убивают, потому как ясно, что снято оно с убитого солдата вермахта, а для них это доказательство убийства. Наши, между прочим, так же поступают. Потому, если увидите какого бойца с немецким карабином, то знайте, он отчаянный малый, который в плен сдаваться не собирается. Таким нужно выказывать своё восхищение и уважение. Есть за что. И напоследок, чтобы оставить хотя какую-то память о себе и даже некоторую интригу, я задаю простенький вопрос с призом за правильный ответ: что почувствует боец-красноармеец, стреляя из своей винтовки в ненавистного врага в форме вермахта. Приза будет два. Это – один

из моих трофейных пистолетов, вальтер, снятый с убитого лётчика с бомбардировщика, к нему кобура, запасной магазин и патронов тридцать штук. Этот приз для мужчин. Для женщин – наручные часы, небольшие, хотя и мужские. Это также трофей. Даже если мужчина правильно ответит, приза два, и будем ждать ответа от женщин. Можно звонить в редакцию, писать письма, обязательно с обратным адресом и данными отправителя. Призы будут храниться в редакции. Срок ожидания ответа – месяц, начиная с завтрашнего дня. Повторяю вопрос: что чувствует боец-красноармеец, стреляя из своей винтовки в ненавистного врага в форме вермахта. Хотелось бы исключить из этой игры фронтовиков, они знают правильный ответ, но не будем, пусть и у них будет шанс. В принципе на этом всё, мне уже намекают, что эфир заканчивается, поэтому я прощаюсь с вами, дорогие радиослушатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.